

РОД. Боги «покинули» нас

18+

Виктор Мельников

Виктор Мельников

Род. Боги «покинули» нас

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74442276

Род. Боги «покинули» нас / Виктор Мельников: Де`Либри; Москва; 2026

ISBN 978-5-4491-3272-7

Аннотация

Судьба отдельной семьи, веками преклонявшейся перед заветами предков и жившей в гармонии с матушкой-природой, попадает в переплёт военных действий степных воинов и духовной войны князя Владимира со своим народом. Новое, входя в старую жизнь, всегда пробивается через кровь. История циклична – через определённое время она повторяется. Семья изо всех сил выживает в этом вихре событий и в конечном счёте принимает веру Христа как неизбежность.

Виктор Мельников

Род. Боги «покинули» нас

D E L I B R I

© В. Мельников, текст, 2026

На восходе солнца напротив пантеона, монументов для богов РОДУ, ПЕРУНУ, СВАРОГУ, ВЕЛЕСУ, ЯРИЛО, МА-РЕНЕ коленопреклонённо находились три старца, жрецы, смотрители, хранители. Они читали молитву шёпотом.

ВЕРУЮ ВО ВСЕОБЩЕГО РОДА,
ЕДИНОГО И ПРОЯВЛЕННОГО БОГА,
МНОГОПРОЯВЛЕННОГО БОГА,
ИСТОЧНИК ВСЕГО СУЩЕГО И НЕСУЩЕГО, КОТО-
РЫЙ ВСЕМ БОГАМ

ЕСТЬ КРАНИЦА ВЕЧНОГО.
ВЕДАЮ, ЧТО ВСЕМИРЬЕ ЕСТЬ
РОД, И ВСЕ МНОГОИМЕННЫЕ
БОГИ ЕДИНЫ В НЁМ.

ВЕРУЮ В ТРИЕДИНСТВО БЫТИЯ ПРАВИ, ЯВИ И НА-
ВИ

И ЧТО ПРАВЬ ЕСТЬ ИСТИНА И ПЕРЕСКАЗАНА ОТ-
ЦАМ-ПРООТЦАМ НАШИМИ.

ВЕДАЮ, ЧТО ПРАВЬ С НАМИ И НАВИ НЕ БОИМСЯ,
ИБО НАВЬ НЕ ИМЕЕТ СИЛЫ ПРОТИВ НАС.

ВЕРУЮ В ЕДИНСТВО С РОДНЫМИ БОГАМИ, ИБО
ДАЖБОЖБА

ВНУКИ МЫ – ЛЮБИМЦЫ БОГОВ, И БОГИ ДЕРЖАТ
СВОИ НА РАКАХ НАШИХ.

ВЕДАЮ, ЧТО ЖИЗНЬ В ВЕЛЕСОВОМ РОДЕ ВЕЧНА И
ДОЛЖНО

ДУМАТЬ О ВЕЧНОМ, ИДЯ СТЕЗЁЙ ПРАВИ.

ВЕРУЮ В СИЛУ И МУДРОСТЬ ПРЕДКОВ, КОТОРЫЕ
РОЖДАЮТСЯ

СРЕДИ НАС, ВЕДЯ К БЛАГУ ЧЕРЕЗ ПРАВОДНИКОВ
НАШИХ.

ВЕДАЮ, ЧТО СИЛА В ЕДИНСТВЕ РОДОВ СЛОВЯН-
СКИХ И ЧТО

СТАНЕМ СЛАВНЫМИ, СЛАВЯ РОДНЫХ БОГОВ.
СЛАВА РОДУ И ВСЕМ БОГАМ, В НЁМ СУЩИМ!

Шёпот в звенящей тишине, слова молитвы как бы громы-хали, заполняли пространство, она была везде, боги были везде, они молчали, слушали, суровые, строгие лики смотрели на них.

Этот ритуал соблюдался столетиями, может, тысячи лет. В этот период не слышно пения птиц, и шума зверя, и шелеста листьев, все с трепетом впитывали простые слова молитвы.

Это одно из главных древних капищ для славян, здесь бывает шумно в праздничные дни, присутствуют только старейшины: два-три на племя, поселение, очень сакральное место.

Для поддержания порядка и охраны была своя боевая дружина. Добро должно быть с кулаками.

В незапамятное время было нападение, пришлось защищаться миром, и были потери, погибли жрецы, было осквернено капище. Нападающие поплатились жизнями, их жизни принесены в дар богам. После этого и решено при каждом капище иметь боевую дружину. Воины постоянно обучались воинскому мастерству.

Капище – место установки идолов богов и где проводились религиозные обряды, жертвоприношения. Идолы, кумиры, статуи из дерева. В двадцати шагах стоял древний могучий дуб. Сколько ему лет, никто не знал, он вечен, всё его тело, ствол был увешан рунами, просьбами людей и благодарностью за помощь, исполнение желания. Божественное дерево. Здесь всегда был образцовый порядок и чистота. Ветер шевелил навешенные дощечки с рунами, и раздавался

характерный звук, как бы разговор богов с людьми.

Недалеко большое селение. Выставленные посты стоят день и ночь в почётном карауле, как повелось, стражники-лесовики – очень опытные воины. Отличные стрелки из лука, очень мотивированные бойцы, таких ничем не сломишь, защитников богов. Защищая богов, получая раны и уходя в небытие, в гости к МАРЕ и КАРАЧУНУ, – это исполнение святого долга, душа уходит в обитель богов.

Уборка урожая почти завершена, осталась малость, и всё селение готовилось ко дню ПЕРУНА и РОДОГОЖА, а впереди Осенние ДЕДЫ. У всех хорошее настроение, смех и радость царят в воздухе. Охотники после обращения к БОГАМ ЛЕСА, РЕК и ОЗЁР с просьбой пойти на охоту и рыбалку получили одобрение, возложены дары, и удалились в лес. Охота и рыбалка будут обильные, получено благословение богов. Все жители жили в гармонии с матушкой-природой, так жили их деды и прадеды их далёкие. Только уважая всех богов и матушку-землю, природу, будешь счастлив на своей земле. Она поможет и защитит. Никто в селении не вёл праздную жизнь и не бездельничал, все были заняты, это их быт, их норма, даже дети под присмотром старших, их учили, и они познавали мир, природу, быт богов. Жизнь была тяжёлая, всё время в работе, но и праздники не забывались.

Дед Громобой когда-то по молодости был в княжеской дружине десятником, но, получив серьёзное ранение и по годам, был определён князем в охранную дружину главного

капища. После нападения на капище разбойного люда и гибели жрецов был назначен Громобой главным смотрителем и охранителем.

Громобой, главный жрец, его помощники Асляб и Луче-гор несли воинскую и духовную службу. Прошли десятки лет, всё было незыблемо, как и тысячи лет назад, боги довольны. Они сильны, если люди в них верят, поклонятся и если количество верующих растёт.

Уважение к природе с малолетства: не навреди, спроси у богов разрешение, ответа не надо, только вежливая просьба: позволь поохотиться, порыбачить, собрать ягоды, грибы, возделать поле, и оно молчаливо даёт согласие, это заложено с пелёнок. В своём доме, на родине, будь уважителен с природой, береги её, и тебе воздастся.

Селение было большое, домов пятьдесят, и ещё три дома достраивались. Эти дома решили всем миром поставить для многодетных беженцев. Страшные вещи они рассказывали, не верится, но, глядя на испуганные детские лица и их глаза, кожа да кости, поневоле поверишь. Сход решил: помочь надо людям, негоже в беде бросать. А было о чём задуматься. Далеко с юга идёт беда. Воины из пришлых, да и свои местные, возглавляемые князьями, идут с мечом и огнём, уничтожают родную веру. Насильно заставляют принять новую веру, отринуть старых богов.

Святые места оскверняют, капища сжигают, жрецов лишают жизни, несогласных предают огню, невзирая на воз-

раст. Руководят чёрные с крестами. От них всё зло и ужас. Люди убегают кто куда. Чёрные времена, Навь открыла ворота, нечисть лезет, и некому их остановить.

Громобой отправил Аслябия к князю Всеволоду Свято-славовичу узнать, что происходит, а сам собрал охранную дружину, в ней двадцать воинов разного возраста. Нарядил группы по пять воинов для несения дозорной охранной службы, остальные при оружии – помогать убирать урожай. Смена через два дня.

– Считайте, боевая работа, и отнеситесь к этому со всей серьёзностью, беда приходит, когда её не ждёшь, для этого вы призваны служить богам. Асляб у князя узнает всё... вернётся и всё расскажет. Ох, нехорошие дела у соседей, нехорошие.

Чуть в отдалении от села, на взгорке, стояла кузня и дом кузнеца Гостомысла. Кузня поставлена так, чтобы при постоянных северных ветрах дым шёл от селения, никому не мешал. Только ежедневный стук молота и перестук молотков говорили всем: Гостомысл трудится. У него малые дети: девочке Младе 5 лет, Горошку 6 лет, Перваку 8 лет, они ещё не вошли в возраст имён, всё будет, дай срок. Растут помощники маме и отцу. Первак приучается к кузнечному делу, профессия очень нужная, да и, что сказать, денежная, если руки из нужного места растут. Гостомысл всё Перваку объясняет, тот старается.

Наступает осень, пора сбора ягод и грибов. Лес всё даёт.

Так они с утра и пошли в лес на тихую охоту за грибами и ягодкой. Хорошее подспорье зимой, погода солнечная, маленькие тучки. Ярослава, мать малышей, провожала их вместе с мужем, до леса метров двести. Две высокие фигуры стояли, обнявшись, освещённые лучами восходящего солнца, они с любовью смотрели на удаляющихся детей, детей, рождённых в любви. Могучая рука кузнеца Гостомысла нежно обнимала любимые плечи Ярославы. Они стояли до тех пор, пока их дети не скрылись в листве дубравы. Они были спокойны за своих «добытчиков»: лес чист от крупных зверей и лихих людишек.

Лес был разделён на квадраты, в которых патрулировали воины божьей стражи. В глубине леса находилось священное место славян, капище богов. Божьи стражники стояли на защите от нападения и осквернения священного места.

Дождались, когда дети скрылись в лесу. Ярослава вздохнула:

– Ну ладно, мой любимый, пойду я, у нас сбор. После сбора буду ждать тебя и добытчиков в доме.

– Да, мой светик, займусь делом.

В селении всё взрослое население, как мужчины, так и женщины, были задействованы в божьей страже.

Ярослава была в страже МАРЕНЫ, их было двенадцать, они в совершенстве владели луком и очень хорошо владели коротким мечом и лёгким копьём. У капища были незаметные укрытия, где скрывались девы МАРЕНЫ. Там же и

хранилось дополнительное оружие. Нанести удар и скрыться, как жало змеи.

Под дубом, в его корнях, но не принося дубу вред, было убежище, где хранилось всё ценное, как духовное, так и материальное. Где и что там, знали только жрецы и главная над девами МАРЕНЫ, старая Авдотья. В лесу и в горах были приготовлены убежища, в которых были готовые помещения для скрытого нахождения воинов. В этих помещениях были складированы оружие и пищевые припасы. Это для воинов божьей стражи. А для укрытия жителей селения были приготовлены скрытые пещеры с тайными входами, где приготовлены солидные запасы дров и продуктов, которые законсервированы в бочках, в глубине пещеры была пресная вода. Все знали, если будет нападение, как себя вести и скрытно идти в схроны, их несколько.

Млада, Горошек и Первак весело перекликались в поисках грибов, попадались, но маловато.

Раздался пронзительный призывный крик:

– Я нашла, я нашла! Идите ко мне! Ау, ау! Я здесь!

Первак и Горошек побежали на призывный крик Млады. Они вышли на поляну и обомлели. Млада стояла в окружении грибов, белые грибы, как воины, стояли рядами.

– Ну ты, Млада, даёшь!

Они все дружно стали срезать грибы, складывали аккуратно на травяную подушку, чтобы сохранить и не повредить. Как только подготовят большой улов грибов, Первак

сходит домой и вернётся с их четвероногим другом, которого приучили таскать тележку, которую придумал их отец. Это очень преданная собака, волкодав, с ним на медведя ходил Гостомысл. Усердная работа Млады, Горошка и Первака привела к очень большой горке грибов.

Первак как старший:

— Ну, я пошёл за Большим, а вы далеко не ходите, я скоро, отдохните, перекусите.

Дети хорошо лес знали, и Первак ускоренным шагом поспешил домой. Млада подошла к муравейнику и застыла, смотрит:

— Горошек, иди посмотри, как муравушки бегают по своим делам.

Так они просидели рядом и заворожённо следили за жизнью маленьких муравушек. Так они и не заметили, как пролетело время, и только пришли в себя, услышали радостный лай Большого. И, конечно, Млада, она его очень любила, завизжала от радости и кинулась к Большому. Все вместе складывали грибы в повозку, она быстро наполнилась, кучу ополовинили, и Первак пошёл домой. Большой без труда тащил повозку. Разгрузив повозку, Первак вернулся в лес, опять нагрузили повозку, Первак пошёл домой, а Млада с Горошком решили поискать рядом грибов. В этом году они рядом нашли ещё одну хорошую полянку с грибами и стали не спеша собирать грибы. Горочка росла, серьёзная хозяйшшка Млада прикинула, что хватит, наполнили свои корзинки и стали

ждать Большого. Большой и Первак нашли новое место. Все собрали в повозку и дружно, весело пошли домой. Их встретили мать с отцом: хорошие помощники у нас растут. Они большой дружной семьёй начали обрабатывать добытые соковища леса. Не забыли благотворить богов за дар.

На следующее утро:

– «Добытки» наши милые, опять пойдёте? Сами знаете: день год кормит, боги к нам добры.

– Конечно, мама, это наше дело, у нас главный искатель – Млада, наша Ладушка.

На внешнее кольцо охраны заступил наряд из двух воинов, Богдана и Василиса. Богдан – очень опытный в ратном деле воин, ему лет тридцать, в двадцать лет он ушёл из селения на вольные военные хлеба.

Причина банальная: Богдан и Гостомysl боролись за сердце красавицы Ярославы. Борьба была нешуточная, но Василиса была влюблена в красавца кузнеца Гостомысла. И Богдан затаил злобу, уходя из селения, сказал Василисе:

– Все равно будешь моей.

Богдан был сильным человеком, и князь взял его в свою дружину, там он прошёл воинскую подготовку, владение оружием, стал опасным воином. В дружине была жёсткая дисциплина, а Богдан был вздорным и с задиристым характером, порой неуправляем, вывел из себя воеводу, и воевода выгнал его из дружины. Он подался в свободное плавание, был в ватагах, защищающих караваны купцов, там он и

приобрёл вредную привычку. После удачного похода купцы устраивали посиделки с крепкими напитками, как бы благодарность за удачу и что живы. Было весело, это норма – выпить за кровь и удачу. Так родилась сильная тяга к хмельным напиткам, он считал это нормой поведения воина. Когда он вернулся в родное селение после ранения в очередном походе, его приняли временно, с испытательным сроком. Ведь его мать Авдотья – главный начальник стражи МАРЕНЫ, очень, очень влиятельная личность. Она очень долго разговаривала с сыном, наставляла, требовала, умоляла стать благоразумным, выкинуть из головы Василису, она мать троих детей и её подчинённая. Богдан соглашался и даже, разговаривая с матерью, употреблял хмельной мёд. И заверил мать, что, если будет в божьей страже, то при дежурстве ни-ни.

Мать поверила сыну, родная кровинка, больше никого нет, единственная кровинка. Но в жизни было не так. Напарник у него – двадцатидвухлетний молодой человек Василис, совсем молодой по сравнению с матёрым воином Богданом. Для сравнения: матёрый волк и молодой волчонок. Обходя по установленному маршруту по внешнему кольцу, Богдан делал всё автоматически, без должного внимания. Из дежурства в дежурство ничего нового, для него пустое проведение времени, и он иногда прикладывался к кубку с хмельным.

Видя такое нарушение ведения дежурства, Василис сделал замечание Богдану. На что он зло ответил:

– Молчи, малявка, всё тихо, никого нет, так что это моё дело – чуток пригубить. Не ной, ты жизни не видел. Учись, пока я жив и рядом, убогий, – произносил это, ухмыляясь.

Об этих нарушениях Василис доложил старшему жрецу Громобой и просил избавить его от Богдана.

Просил перевести в другую смену. Громобой молча выслушал:

– Хорошо, что предупредил, нельзя терять бдительность. Обстановка на юге очень сложная. Я с Богданом и Авдотьей поговорю, а ты продолжай служить богам. Это твой урок.

Василис обречённо склонил голову и глухо:

– Не надо его допускать к служению богам, я против него не выстою, он очень силён и опасен, неуправляем, когда хмельной.

Смотрит исподлобья на Громобоя.

– Иди, Василис, иди, я услышал.

Без духовного энтузиазма, как бывало, Василис понуро уходил.

Громобой всё видел. Да... нехорошо, совсем плохо, надо этот разброд принимать решение. Немного посидел в раздумье, подозвал мальчонку и попросил пригласить Авдотью. Остался один, задумался: нехорошие новости с юга, а тут такой разброд, правда, один мутный, но он воин знатный. А нам хорошие воины, защитники нужны.

Пришла Авдотья, переступила порог, опираясь на посох, но глаза строгие, молодые.

– Звал, Гром?

– Проходи, Авдотья, присаживайся, в ногах усталость снимешь, сок берёзы испей. Разговор будет долгий, так что пока не перебивай.

И он спокойным, но строгим голосом доводил до Авдотьи, какая проблема нарастает с приходом Богдана, сына твоего.

– Дисциплину никакую не признаёт, нарушает каждое дежурство, мне об этом рассказал его напарник Василис. Получается, при дежурстве Богдана и Василиса охрана только на Василисе, Богдан всё чаще в хмельном виде. А если кто нападёт?

Спина Авдотьи всё больше сгибалась, усталые глаза помутнели, нет огня, она молча слушала.

– Ведь мы служим богам, как наши отцы и деды, мы защитники, защищаем от разора и поругания. Грядут тяжёлые времена. Сама знаешь, Авдотья, мы с тобой учителя и пример, духовный пример для молодых. Мы стержень веры. Я всё сказал, вот такие у нас проблемы.

– Я же каждый день с Богданом говорю, наставляю, я всё думаю, где же я упустила. Сильно изменился, вбил себе в голову Василису. Ожесточился, а после походов там... вернулся не ягнёнком, а волчарой. Сам себе на уме. Не слушается он меня, взрослый стал. Я с ним ещё раз поговорю. Гром... поговори с ним тоже, думаю, он послушается. Надо дать шанс, – и смотрит умоляюще на Грома.

– Хорошо, Авдотья, сегодня же и поговорю, передай ему:

я жду у себя.

Прищурясь, Громовой наблюдал за приближающимся Богданом: походка какая-то не воинская, вольная, несобранная, неуверенная. Это наводило на мысль, не под хмельком ли парень.

– Я пришёл, звал меня, старшой? – с вызовом произнёс Богдан, ухмылка на губах.

Громовой не стал возмущаться на непочтительное поведение.

– Садись, Богдан, разговор мужской будет, – спокойно, глухо произнёс он.

– А что, поговорить можно, – произнёс это с вызовом, как с равным.

– Хочу обратить твоё внимание, что ты принят в наше общество на испытательный срок, и у тебя срок твоей проверки ещё не прошёл. Отмечены факты халатного отношения к страже. Постоянно употребляешь хмельное, разве это совместимо с несением стражи? Неуважительное отношение к своим сослуживцам. Вопрос: могу ли я доверять тебе по охране капища, богов наших, защитишь ли ты, хмельной воин?

И строго, вопросительно смотрит на Богдана.

Самоуверенность с Богдана сползла, он осознал, что старшему всё известно, улыбочка исчезла.

– Я это, я это понял, старшой, но срок испытания ещё не прошёл, я... я понял свои косяки. Старший, я хороший воин,

у меня хорошие боевые навыки. Я стараюсь себя сдерживать.

И так искренне смотрит на Громобоя.

– Ладно, иди, но смотри мне, не нарушай наши устои.

Богдан встал, поклонился и пошёл. Про себя думает:

«Дурак ты, старый пень, меня учить... Я вас ещё поучу, но придётся жить поосторожнее, пока что-нибудь не подвернётся по мне. А пока придётся подчиниться, надолго ли? Слухи, слухи обнадеживают, подожду».

Пришёл домой, там его ждала мать, она строго на него смотрела.

«Ну, опять заведёт этот надоевший поучительный разговор», – и он с ходу, чтобы пресечь нытьё матери:

– Мать, всё, хватит, я говорил с этим старичком, и я сказал ему, что буду стараться. Всё, я устал, есть хочу, и мёд поставь, у меня день отдыха.

Авдотья сокрушённо качала головой, кормила и медовуху ставила. Она понимала: выгонят его с позором, выходит, что он наш враг, не помощник. Слёзы предательски появлялись, она их вытирала: может, одумается, перебесится, дай бог, дай бог.

Богдан под вечер сильно принял хмельного мёда, вышел из избы во двор, сел под деревом, в руках его боевой меч.

Снаружи спокоен, только нервно ведёт пальцами по лезвию. Внутри всё кипит от злобы: зачем пришёл в родительский дом, что ожидал???

«Нет, надо добиться своего и уходить».

В душе обида, горькая обида на Василису: «Меня на этого кузнеца променяла. Чем он лучше? Не хочешь по-хорошему – будет по-плохому, всё равно будешь моей. Убью вас всех. А тебя, Гост, тем более, встал поперёк моей жизни, так что... Детишки... они не мои...»

У него в голове пронеслись события былых походов, когда он был в охране купца Спирида. Недобрая слава ходила про Спирида, вечно удачлив, вот только как она к нему идёт. Везде на дороге его люди всегда предупреждали про караваны купцов, что везут, сколько охраны. Спирид со своей бандой жёстко нападал и безжалостно всех убивал, невзирая на пол и возраст, свидетели не нужны. Женщин и девочек жестоко насиловали, насытившись, убивали. Как не хватает такой вольной волчьей жизни, здесь взаперти, то не моги, уходить надо. Опять эти дурацкие дежурства с этим недотёпой. Как этот недомерок гордо шагает, службу несёт. Да у нас там этот никчёмный балласт... такие сразу «уходят», или мы помогаем, чтобы не сболтнул. А домой прибыл окольными путями, замечая следы после громкого дела. Взяли жёстко княжеский обоз, всех убили, но один выжил. Князь узнал, и песенка Спирида была спета, вся его ватага, банда повисла и раскачивалась на ветвях. Только Богдану тогда сильно, очень сильно повезло, и надолго задержался у зазнобушки. Она его спрятала. Потом тайными тропами и домой, затих, пронесло. Грабили они в соседских княжествах, а здесь Спирид сбывал товар.

Аслябий из Сторожевого посёлка выехал на двух конях вместе со старшим внуком Корнеем. Сказал ему:

– В княжеские владения едем порознь, но всё время моего нахождения у князя будь рядом, смотри, слушай, что люди говорят. Если что... вдруг князь в гнев войдёт и... что-то со мной случится, вида не подавай, постарайся разузнать про... это... и скорым ходом до Громобоя, всё доложи, что и как. Ты понял?

– Да, старик, понял, что я, малец неразумный, что ли?

– Ну, будет, будет, я так, на всякий случай, к врагам идём, хоть и к своим.

Аслябий прибыл к князю Святославу Святославичу в воинском облиии и у стражника просил доложить князю о прибытии жреца Аслябия из Сторожевого. Это название дал дед князя Святослава, он же и утвердил посёлок и божью стражу после нападения лихих пришлых людишек. Здесь же, во дворе у терема, находились незнакомые воины, пришлые наёмники, говор не наш. Видать, норманны.

Поведение несдержанное, хамовитое, никакого уважения к жилью князя. Грубый говор и хохот, неприятный, раздражительный.

Аслябий стоял в трёх метрах от стражника, чтобы не мешать нести службу и не докучать, опираясь на посох – знак жреца с капища. К нему развязно подошёл детина, вооружённый для похода, под два метра. Протянул руку к посоху:

– Да-а-ай... я посмотреть твой оружие.

– Это не оружие, это посох.

– Да-ай сюда, я говорить, мне смотреть, ты раб.

Его лапа схватила посох и потянула к себе. Аслябий в своё время был лихим воином, дал слабинку и выхватил.

– Негоже брать чужое, ступай к своим, пока я не осерчал.

Стоит громила, на голову выше и массивнее, у него глаза навывкате от негодования, от такой наглости.

– Ты... ты на кого слюни брызгать, голос поднял, мелочь плюгавая. Да я тебя в грязь топтать.

Аслябий стоит расслабленно, посох в стороне, на вытянутой руке.

– Успокойте этого воина, я послан к князю, а то он сам себя поранит.

На крыльцо вышел князь, его воевода и кто-то в чёрном с крестом на груди. Они увидели, как громила-норманн пошёл в атаку на пришедшего соискателя встречи с князем.

Воевода понял, что этот невзрачный и есть проситель. Крикнул на нормандском:

– Эрвус, стой, прекрати, он к нам пришёл.

У Эрвуса глаза налились кровью, и он кинулся, как он считал, на обидчика его чести. Но произошло непонятное: Аслябий как-то перебрал ногами, как в танце, резко кинул посох под ноги громилы, и эта злобная вооружённая масса полетела в грязь.

Князь узнал Аслябия, знатного воина в его дружине, был десятником, но после тяжёлого ранения перевёл в Стороже-

вое, в божью стражу. В груди разлилась радость за своего воина, не чета этим зазнайкам, только жрать и хамить, как до дела, то и так видно. Князь громко рывкнул со злобы:

– Убрать с глаз долой этого дурака, не воин он, перевести в ученики. Воевода, у тебя все такие? Завтра начну проверку.

Аслябий с достоинством:

– Князь Святослав, меня Громобой прислал узнать, что в мире творится, а то слухи непонятные и страшные витают в воздухе.

Мужичок в чёрной одежде, в балахоне, с крестом на груди:

– Ваша светлость Святославович, что это за раб, что за вопросы, говорит, не преклонив колени и не склонив голову.

Аслябий выпрямился:

– Ты, чернь, кого рабом называешь?

– Тебя, тебя, милоч, все мы рабы божии нашего владыки Христа.

– Кто ты, чёрный человек, что такие скверные слова говоришь? – произнёс с достоинством Аслябий.

– Я отец Гомерчион, апостол новой веры, веры в Христа нашего, и пришёл сюда вас всех в новую веру обратить.

Аслябий:

– Князь Святослав, я уважаю разную веру, у каждой народности своя, но бог един. Мы с молоком матери тысячи лет в мире и согласии с нашими богами, живём и дружим, уважаем, учимся у них. Получается, предать их! Так говорит

этот чёрный, убогий с крестом.

От таких слов слуга Христова завопил:

– Богохульник, как можно терпеть такое, в клетку его, в огненную гиену, чтобы стереть память о нём и таких, как он. Вертеп их под названием Капище с их деревянными идолами – в очистительный огонь! И новая вера возрадуется. Ваша светлость, схватить его надо и в клетку ко всем.

– Князь, он что, болен или что-то с головой, что он несёт? Ведь вы приказали нам быть при Капище, а этот – в огонь.

Недовольный князь зло процедил:

– Всем затихнуть, я говорить буду.

Чёрный что-то бормотал, крестился, плевался, вёл себя странно.

– Ты, – указал пальцем на нового попа, – хватит верещать, голова болит. А ты знай: мой брат, великий правитель земель славянских Владимир Святославович, принял христианство, его дружина и жители стольного града Киева и других городов, так и наша дружина и наши жители принимают крещение. У нас будет строиться православный храм, всеобщее прозрение, и ждём епископа для освящения храма.

Год 6491, великий год, переломный год, год прозрения слепых и веры в Христа, единственного правильного бога. Старые уходят в небытие.

Крещение идёт насильно, жёстко, люди забитые, неграмотные, дикие, их надо наставить на путь истинный. Меч и крест – вот что досталось непокорным, не принимающим но-

вого бога, не желающим принять христианство. Новые служители веры, религиозные фанатики веры Христа, с изощрёнными способами добивались своего, если не получалось, просто сжигали на кострах или просто их пособники рубили мечами, гноили в темницах, много, много способов изобрели эти слуги нового дьявола.

Передел сферы влияния на людей и захват новых территорий. А на самом деле вера славян была о человеке и мире и большим числом обрядов и ритуалов, связанных с пантеоном божеств или духами предков.

Крови пролито много, очень много и с особой жестокостью, чтобы страхом убедить принять христианство, креститься. Старые боги не защитили. На самом деле боги сильны, когда в них верят люди. Человек слаб перед злодеями. И люди их отринули, почему, почему человек так слаб, что под страхом смерти ребёнка и стариков, матерей и отцов склонили голову перед кучкой наварышей, ведомых по прихоти князя, правителя земель славянских, который решил так сделать, прихоть повелителя.

Ведь эта программа была задумана и внедрена тысячи лет назад. Здесь и воспитание, обучение людей, а пантеон богов – фактор сдерживания людей от нехороших, злых поступков. Правда, на всё находилось оправдание. Всё гениально придумано для рода славян. Были, были перегибы в начале становления рода славянского, приносили кровавые дары богам, но это не веление богов, а действия невменяемых служ-

ков, жрецов, которые таким путём решали удержать в своих руках власть. Приносили в жертву самое ценное и дорогое – младенца, непорочное дитя, и это не зависело от положения в общине. Эта вакханалия закончилась, просветление в мозгах произошло. Кровавые жертвоприношения заменили на дары природы, очень редко приносили в жертву коз, овец, не более.

Парадокс: всё, что севернее юга, где якобы зародилось христианство, – это варварская территория и варварская вера с идолами поклонения. Которую надо искоренить мечом и огнём, уничтожить всё, все записи, таблички, память, историю рода славян.

А греческие боги с их Олимпом... их никто и никогда не называл варварами, они же свои, это их история, это так мило.

А этих непокорных – в общее стойло, место выделили, где погрязнее и нет света.

Князь посмотрел на воеводу и глазами показал: убери по-па подальше. Воевода, умный мужик, всё понял, взял под руки белые по-па и отвёл к своим воинам. Подвёл к Эрвусу:

– Служитель Христа, отец Гамарчини, прими покаяние у этого несдержанного воина.

Князь жестом подозвал Аслябия:

– Я тебе рассказал о великом крещении жителей нашей родины. Очень-очень туго идёт крещение, это необратимо, обратной дороги не будет, приказ верховного правителя Вла-

димира Святославовича.

Невыполнение приказа – смерть. Подумай... Поговори с Громобоем, примите верное решение, за вами народ пойдёт, меньше крови будет. Я не фанатик веры Христа, но его время пришло.

Плечи у Аслябия поникли, и он глухо:

– Князь, я давал клятву верности ещё твоему отцу и вам. Я вырос и живу, в сердце со мной наши боги. Всей душой я служу вам и нашим богам, значит, и своим предкам. Отказаться от веры в богов своих... это предательство по отношению к пращурам, памяти, чести славянской. Быть предателем – как с этим жить? Наш закон славянских воинов: предал... УМРИ. Вы к этому меня и мой род призываете? То, что я услышал из этого, как вы говорите, попа, слуги Христа, – это страшно, он ваш палач, убить почти весь род славянский, сделать из них рабов. Это ваша вера. С ума сойти, князь, тебя превратили в раба, что дальше будет, это не мой путь. Князь, позволь мне воспользоваться правом жреца – неприкосновенности. Отпусти домой, как вы говорили, посоветоваться надо с Громобоем, Лучезаром.

Гордо стоит, не преклонив головы.

Князь сокрушённо:

– Не понял ты меня, не понял. Желание верховного правителя для нас... для всех и для меня – закон. Не отпущу тебя, уйдёшь – много крови прольётся, а я не хочу, но выполнять надо. Два отряда наёмных норманнов ещё не верну-

лись, они в отдалённых городищах и селениях новую веру устанавливают, с ними служители Христа.

В одном небольшом селении из пяти домишек норманны согнали всех жителей на импровизированную площадь, и поп начал вещать про новую веру, мол, надо креститься и обрести счастье под лоном Христа.

Очень старый дед:

– Как так? Да что ты, чёрный человек, говоришь, у нас свои боги, чужих на нашей земле не надо, мы со своими живём и радуемся.

Пьяный норманн мимоходом вытащил меч и лениво, как курице, срубил голову седому старику. Все обомлели, бабы в крик, дети заплакали.

Поп:

– Ты что, Карла, сделал!

– Отче, что время тратить, в избу всех, пусть в огне очистятся, не трать время наше зря.

– Да, да, ты прав, в гиену огненную этих животных.

И они грубо, силой запихали в избу всех и детей малых. Матери просили:

– Детей пожалейте, не губите их. Наши сыновья в дружине княжеской, пожале-е-е-йте.

Пустые глаза злодеев и азарт – ничего не остановило их, всех сожгли. Сделав злодеяние во имя Христа, сами не хотели ни со спокойной совестью пошли искать очередную жертву. Попа не мучила совесть: они сами не хотели принять

Христа, жили бы, а так...

Старший дружинник Гардон со своими братьями узнали об ужасной смерти своей семьи, пришли в великую ярость и великую печаль. Внутри всё кипело, их круг мстителей расширялся, и вся дружина на тайной сходке решила злодеев предать смерти, казнить лютой смертью, нет им места на нашей земле. Хотя вся дружина «добровольно» приняла крещение, воин должен выполнять приказ, внешне – да, внутри – нет. Под видом учений вся дружина на коней и в поле. Князь дал добро, время смутное, надо воинский дух поддерживать.

Куда, кого и сколько князь отправил, они знали. Они встретили первую банду норманнов, восемнадцать с попом. На дороге их остановили Гардон с братьями, Гардон в центре, братья по обе руки. Гардон поднял руку, поп подъехал:

– В чём дело, раб божий, не видишь, с задания возвращаюсь, князю доложить надо.

За его спиной норманны громко, нагло ёрничали, похабно обзывались.

Гардон:

– Это вы в селе у трёх берёз были?

– Не тебе нас спрашивать, дорогу, смерд.

Гардон молча вытянул из ножен меч и со словами:

– Сдохни, грязь земли! – со злости перерубил попа пополам, рассечённое тело рухнуло в грязь.

Дружинники вышли из кустов, и началась яростная схват-

ка, без криков, молча. Всех порубили, норманнов, изрубленные тела остались валяться на дороге. О чём это говорило – была жестокая казнь, у всех головы отделены от тела. Так же встретили и вторую группу норманнов, их постигла та же участь, сначала расстреляли из лука, потом добили. Попа располовинил, казнил Гардон. Дружина вернулась с «учений» в место базирования, были раненые, убитых нет. Осталось около тридцати норманнов при князе.

Эти события произошли за несколько дней до прихода Аслябия к князю. Князь не знал, где сейчас две группы норманнов, это были его карательные отряды, нет информации, где они, сильно нервничал, его опора, на чужих надеялся, не на своих, которых через колено ломал, «приняли» крещение, а этим всё равно. Одним словом, звери. В смутное время, когда идёт великий перелом, только на таких... одна надежда. Он смотрел на Аслябия и думал, как перетянуть этих жрецов старой веры, нет её больше, бессильны они, идёт новая вера тяжёлыми кровавыми шагами и медленно, но неотвратно.

– Ну что вам стоит согласиться с нашим предложением, нет крови, это же главное.

– Нет, Аслябий... отпустить тебя я не могу, подумай, подумай у меня в клети.

– Князь, я пойду, думать мне нечего.

– Воевода... взять непокорного и запереть, пусть подумает.

Воевода толкнул Эрвуса:

– Вперёд, по-тихому, и вы двое, выполнять.

Эрвус, оскалась, шёл на Аслябия, который спокойно шёл на выход. Эрвус догнал его, своей лапой схватил за плечо.

– Куда, раб, прёшь, тебе в другую сторону, клетка ждёт.

Аслябий сбросил руку норманна, отряхнул плечо, как от грязи, отступил от него.

– Не мешай мне, чужой нам человек, боги тебя накажут.

– Га, га, га, твой, что ли? На колени, раб! – и выхватил меч.

Эрвус впадал в бешенство, на площади звенящая тишина.

– Меч вытаскивает воин, сражаться, не так ли, великий воин, от грязи отряхнись, хотя тебе не привыкать.

Говоря это, Аслябий чувствовал, знал, что это последний бой, бой за веру, за землю родную, за прашуров.

Эрвус с криком:

– Умри, раб! – и рубанул сверху вниз мечом, решил отрубить незащищённую голову безоружного раба.

Удар принял посох, меч изменил траекторию, и скольльзящим ударом по незащищённой голове наверх посоха, атрибут жреца, падало вниз. Аслябий верным движением вонзил обрубок посоха в горло Эрвуса. Захлёбываясь в крови, Эрвус упал на колени и лицом в грязь. Аслябий, опираясь на посох, медленно опустился на колени, голова и плечи залиты кровью. К ним со всех сторон бежали дружинники и два норманна. Один норманн замахнулся мечом добить Аслябия, но рухнул, грудь его пробил копьё.

И страшный голос Гардона:

– Стоять всем, если жить хотите.

Срывающийся на истерику крик князя:

– Я же просил проводить, окажите помощь, если можно.

Как жаль, воевода, я же тебя предупреждал.

Гардон:

– Князь... мы отнесём Аслябия, плох он. Так нельзя, он жрец и был нашим учителем в ратном деле.

И он поднял отрубленное наверхие посоха.

– Отнесите, отнесите и помощь окажите, а этих убрать.

Потом поговорим. Идём, воевода.

И они отправились в терем. На площади две непримиримые, вооружённые до зубов группы воинов. Не будет мира между ними, не будет.

К Гардону подошёл мальчик:

– Дядя Гардой, отдайте наверхие, – и протянул руку.

Гардон в нём узнал внука Аслябия Корнея.

– Бери, береги.

– Дядя Гардон, я их буду убивать, – с уверенностью сказал юнец, сказано так... что Гардон поверил, но ничего не сказал.

Для того чтобы обработать дары леса, грибы, Василиса пригласила бабушку Проску (Просковью), хоть и не совсем молода, но по хозяйству всегда помогала и давала мудрые советы. Вторая бабушка, Ефра (Ефрасинья), ведунья, знахарка, она учила премудростям врачевания, какая травка для чего, что лечит, что калечит. Когда Ефра говорила про цве-

точки и листочки с корешками, Млада слушала, затаив дыхание, и старалась всё запомнить, и не по-детски задавала вопросы.

Бабушка Ефра часто говорила:

– Хорошая у тебя, Василиса, дочурка растёт, сдаётся мне, будет знатной знахаркой, великой целительницей.

Проску подтверждала слова Ефры. Проску всегда спокойная, молчаливая, молва людская говорила, что она с духами общается, шептались, что прорицательница. Она последнее время спокойствие потеряла и при разговоре нет-нет да скажет:

– Времена тяжёлые наступают.

Как обычно, дети в лес собирать дары, ягода подоспела, на подходе другие грибочки, которые на засолки. Так они с утра дружной тройкой, они знали, куда идти, лес любит постоянство, сладкая малина и земляника готова лечь в корзинки. Какая малинка вкусная, а зимой, когда выюга шумит и веселится по-своему, за дружным семейным столом с горячим отваром и малинкой это так вкусно, так что потрудиться надо.

Первак решил проверить, не подошла ли брусника, клюква, надо пройти недалече к болотцу. Куда собирать, есть. А Млада и Горошек по сладкую ягоду, приготовили большие корзинки заранее. Млада и Горошек наткнулись на малину и стали собирать, вроде ягода лёгкая, но такой тяжёлый труд. Каждую ягоду взять, чтобы не помять, кустики тонкие, гиб-

кие, но такие упрямые, надо потрудиться, чтобы собрать... Так не спеша шла их работа. Мало собрать свою корзинку, надо отнести и аккуратно переложить, и опять идти собирать.

Млада отнесла корзинку и не спеша шла, ей показалось, что кто-то сопит, ворчит, повизгивает и как бы просит о помощи. Она залезла в глубину кустов и там увидела двух маленьких медвежат, их двое, они так усердно старались вылезти из скользкой ямы. Сопели, перебирали слабыми лапками, но скользили, яма около метра, но мокрая. Наверное, небольшой родничок годами проделал такую ямку.

Лада поставила свою корзинку, в которой ягода закрывала дно, это она, пока шла, автоматом собирала крупную ягоду. Стоит, смотрит. Да, детишки убежали от мамки, и вот что получилось. Смотрит, думает, может, где ветка завалилась, но нет.

– Ох, горюшки вы мои, я вам помогу.

Подошла к краю и поехала по мокрой траве и листве вниз.

– Ну вот, я пришла, ну-ка, малыш, давай подсажу.

И она стала поднимать малыша. Маленький, но такой тяжёлый и скользкий от грязи. Лада очень старалась, упорно посадила малыша на себя, тот на её спине довольный сопит, играет. Первого она вытолкнула, так же и второго. Она так увлеклась, что даже забыла позвать Горошка.

Лада на коленях в грязи смотрит вверх и думает, как самой выбраться. Идти по канаве, найти выход, а вдруг там ещё

хуже и вдали вроде ветки колючие.

Лада оценивающе посмотрела на себя: как медвежонок, вся в грязи, руки, лицо – умора, зато малышей спасла, ой, мамка ругаться будет. Медвежата на кромке ямы смотрят на Ладу и зовут по-своему, им играть хочется. Она начала выбираться, но скользила и скатывалась вниз, раз за разом пыталась, но ничего не получалось.

Упрямства ей не занимать, грязной рукой вытирала пот и видит: к ней приближается громадная лапа с чудовищными когтями, остановилась призывно. Она посмотрела вверх, на неё смотрели, можно сказать, добрые глаза на громадной морде большой медведицы.

Лада без страха схватилась за когтистую лапу, и медведица вытащила её из канавы. Лада отпустила спасительную лапу и со вздохом:

– Ну что, доигрались? Я сейчас вам ягодку дам.

И она из лукошка достаёт ягодку и даёт медвежатам, те сели рядом и протягивают лапки: ещё, ещё.

Лада отдала последнюю ягодку:

– Всё, больше нет, много нельзя, животики будут болеть.

Те урчали и просили: дай.

– Всё, я устала, а мне ещё работать, всё, бегите к мамке, бегите.

Раздалось рычание, малыши застыли и побежали в кусты, и только треск кустов говорил о том, что удаляется очень большой зверь.

Медведица с медвежатами пришли в ягодник показать и научить малышей, но вскоре это им надоело, они затеяли игру, и результат – они свалились в яму. Мамаша видит, кушает ягоду, а одним глазом следит за малышами.

Она услышала и почувствовала запах человека, шерсть на загривке встала, она приготовилась яростно защищать малышей. В этот момент медведица страшна. Но когда она увидела эту маленькую человеческую особь, успокоилась и начала наблюдать. Она видела, как это человеческое дитя помогает её медвежатам, успокоилась.

Потом она снова почувствовала человеческий запах и увидела: из-за кустов появился ещё один ребёнок, это был Горошек.

Горошек видел голову, вернее, макушку Лады, показывающуюся из ямы, а с кем она там говорит, не видит. И вдруг... увидел громадную медведицу, от страха застыл, не шевелится, весь дрожит. Он знал из рассказов взрослых, как опасна медведица с медвежатами.

Медведица напряжённо смотрит на него, опасности нет. Горошек был в шоке, когда из ямы появился один, потом второй медвежонок и как медведица помогла Младе выбраться из ямы. После этого Млада ещё и кормила медвежат.

Три малыша в грязи, в листьях, довольные сидели рядом и уплетали ягоду, малину.

Медведица напряглась, почувствовала, что ещё кто-то приближался, рыкнула, и они скрылись в кустах.

Это Первак вышел из кустов:

– И трясёшься, это я, не бойся.

Видит Горошка.

– Горошек, ты что прячешься?

Горошек всхлипнул:

– Я не боюсь, тише, тише, там, – и показывает рукой в кусты.

А там нет никого, только ветки кустов качаются.

Первак увидел Младу, всю извазюканную в грязи, лицо чумазаное, но довольная, глаза блестят.

– Ну вы даёте, нельзя вас оставить без присмотра. Я что пришёл: пора подзаправиться и решить, что делать, пособи-
рать ещё или сразу домой, как?

Млада развела руки:

– Устала я, братишка, пойдём домой, даже кушать не хочется.

Горошек тоже закивал:

– Домой, домой.

– Ну что, пойдём к собранной ягоде, ну а ты, Горошек, пробежись за Большим, всё мы не сможем донести, Большой нужен.

Горошек подхватился и побежал за Большим, всё озираясь по сторонам.

Расстояние неблизкое, но Горошек бежал домой за помощью, в голове громадный медведь, который смотрит не зло, но это медведь. Тем временем Первак и Млада пришли к со-

бранной ягоде, Первак облокотился о берёзку, Млада рядом пристроилась.

Первак достал краюху хлеба, разделил пополам, дал Младе, и они не спеша жевали. Солнышко грело, ветерка нет, птички пели свои песни, и Млада положила свою головку на колени старшего брата, закрыла глазки и заснула. Первак обнял её, оберегал её сон, он очень любил свою неугомонную красивую сестрёнку.

Горошек, сильно уставший, добрался до дома и сразу к Большому:

– Пойдём, Большой, пойдём к повозке и побежим к нашим, нет, повезёшь меня, там помощь и защита нужна, там... ты большой, сильный.

Постоянно говорил, запрягая Большого, и только хотели тронуться, из дома вышла мама.

– Ты что, Горошек, такой запыханный, что торопишься... что-то случилось?

И Горошка прорвало, и он с пятого на десятое таких страстей наговорил, что у Василисы сердце защемило, она:

– Гост, Гост, беда, бежим.

Гостомысл появился в двери:

– Что случилось?

– Там медведь и дети наши.

Гостомысл схватил копьё, и они побежали в сторону ягодного поля, за ними на тележке Горошек, покрикивая на Большого.

Гостомысл прибавил хода, остальные отстали. У всех в голове медведь, как бы беды не случилось, ведь медведица с медвежатами в лесу не шутка, мало ли.

Разгорячённый Гостомысл, подгоняемый всевозможными образами в голове, выбежал на их ягодную площадку, куда собирали ягоду, увидел детей. Первак, прислонённый к берёзе, голова опущена, у него на коленях Млада вся в грязи. Сердце оборвалось, ищет глазами, где «она»?

Услышав шум и топот, Первак поднял голову, увидел вооружённого копьём отца, удивился, зачем, и прижал палец к губам:

– Тише, Млада спит.

Гостомысл опешил и тихо, крадучись, подходил к детям, оглядывая их. Присел рядом, смотрит на синее небо, редкие белые пушинки облаков, как хорошо, сидит тихо.

Вбежала Василиса, волосы распущены, тревога на лице, глаза горят. Видит: Гостомысл рядом с Перваком, Млада на коленях у Первака. Первак и Гост одновременно подняли палец к губам:

– Тихо, Млада спит.

У Василисы ноги подкосились от нервного напряжения, выступили слёзы от радости:

– ЖИВЫ, ЖИВЫ!

И она присела рядом с любимым мужем. Как хорошо. Но всё «испортил» Большой, он радостно подбежал, гремя повозкой, и облизал грязное личико Млады. Млада открыла

глаза, увидела Большого, радостно обняла его, увидела маму, папу.

– Мамуля, я так тебя люблю!

И подбежала к маме, обняла. Напряжение у всех спало.

Семья в сборе, радостные улыбки на лицах. Гостомысл всё ещё в боевом режиме:

– Ну что... всё хорошо, Первак, рассказывай, что привело к такому переполоху.

– Я проверил ягоду на болоте, она ещё не поспела, и пошёл к нашим. Я увидел Горошка, стоит за кустом, какой-то взъерошенный и застывший, спросил у него: «Ты чё?» Он к губам приложил палец и рукой показывает на край поляны. Я ничего не видел, только Млада стоит ко мне спиной и кому-то машет рукой. Я удивился, но Горошек что-то тархтел про Медведя, я не видел. Тогда я его послал за Большим, чтобы собрать наш урожай. С Младой пришли сюда, пожевали хлебца, и Млада уснула. Тут вы пришли.

Гостомысл крикнул:

– Ну теперь ты, Горошек, только не торопись, подробно, мы никуда не спешим, мы с мамой здесь.

– Ну что ты, тятя, я что, маленький? Понял я, понял. Я набрал корзинку, отнёс её, выложил и пошёл к Младе. Мне показалось странно, она с кем-то говорит, а её не видно. Я встал и её глазами ищу, осматриваю кусты, где она спряталась. Я увидел её макушку, она в яме то появится, то пропадает, ну, думаю, сейчас её испугаю, классно будет, нечего

прятаться. Только хотел пойти на поляну, вижу, у ямы показалась голова и что-то тёмное маленькое, пригляделся – на маленького зверька похоже, потом появился второй, это Млада вытаскивала из ямы. Потом я увидел большое тёмное коричневое пятно, очень большое. Смотрю – на меня смотрят большие глаза, они блестят, а голова такая большущая. Я и застыл, ноги, руки не двигаются, страшно. Хотел закричать, но не могу, в голове рассказ, как страшна медведица с медвежатами, крикну, а вдруг она на Младу. Стою, у меня всё от страха отнялось. Вижу... она свою ужасную лапу с когтями к Ладе тянет, когти громадные, на солнце блестят. Я глаза закрыл от ужаса и молитву стал читать.

Горошек прижался к отцу:

– Тятя, мне и сейчас страшно, как вспомню, ведь я ничем не мог помочь Младе.

Гост прижал к себе Горошка:

– Всё, всё, мы рядом, но ты прав, страшна медведица, когда защищает медвежат. Её бояться все, я тоже боюсь, когда не вооружён.

– Тятя, я когда увидел, что Млада зацепилась за эту ужасную лапу и выбралась из ямы, всё отлегло, и главное – скованность пропала. Смотрю, она этих медвежат кормит, я совсем успокоился. А когда она ушла, меня Первак крикнул, я чуть не упал от неожиданности.

– Ну что ты, Горошек, всё хорошо, всё хорошо, мы вместе. Так, мужчин мы послушали, нам почти понятно, теперь твоя

очередь, хозяйюшка наша, только не торопись.

— Тятя, я искала крупную ягодку, мелкой много, а крупная вкуснее. Нашла хорошие кустики, и мне послышался жалобный плач и показалось: «Помогите, помогите», да ещё в два голоса. Пошла на голос через кусты, смотрю под ноги, я нашла горе-малышей. Они в яму упали, а выбраться не могут, все в грязи извазюканные и такие потешные. Я корзинку поставила, ищу ветку, а её нет, ходить искать не хочется, стою у краюшка ямы и думаю. Малыши меня видят и так просят, так просят, аж жалко. У меня из-под ног земля уходит, и я бряк — и рядом с малышами, они ко мне лезут, какие-то радостные. Я пыталась их поднять, но они такие тяжёлые и скользкие, потом они стали карабкаться по мне, и у нас получилось. Па, они такие маленькие, но такие тяжёлые, и я так устала, у самой сил нет, думаю, отдохну и попробую выбраться. Знаешь, Па, малыши наверху повизгивают, зовут, даже лапки тянут, хотят не помочь, а я не могу, устала. Идти по ручью, вдруг там хуже, отдохну и попробую. Вверх смотрю, а на меня смотрят такие большие-большие глазища. Я оторопела, а глаза такие добрые, как у нашей мамы. Я и не думала, что может быть голова такая большая. Она мне рук... нет, лапу протягивает, а там такие когти, один такой большой и красный. Я и ухватила за них, она меня подняла, малыши ко мне лезут, радостные такие, играть хотят. В лукошке была ягода, я и покормила их. Потом они пошли, а я так устала, что заснула. Они такие хорошенькие, ласковые

и добрые.

– Млада, Млада, Млада, медведица – зверь очень страшный и опасный, и это чудо, что она... помогла тебе. Надо спросить у нашей Проску. Как об этом думать, возможно, так решили боги???

Они ещё посидели, погрелись на ласковом солнышке, погрузили корзинки с ягодой на тележку и дружной семьёй пошли домой. Гост посадил Ладушку на шею, та обняла голову отца, и, не спеша идя домой, напевали песенку. К дому подошли под вечер, солнышко ещё было, но готовилось уйти на покой, на смену спешила луна, хозяйка ночи.

Василиса помыла сонную Ладу и нежно уложила её в кроватку:

– Пусть хорошие сны тебе снятся, моя милая.

На огонёк, как обычно, заглянули Проск и Ефра, и Василиса с Гостомыслом им рассказали сегодняшнее происшествие, замолкнув, ждали.

Проску ушла в себя, застыла, окаменела, это знак, что она не здесь, а с духами общается. Потом пришла в себя и уставшим, не своим голосом:

– Боги благословят к вашей семье, особенно к Ладе. Она будет спасать и лечить. Ждёт вас большая беда... но она пройдёт стороной, будет большое народное горе, затронет и вас, темно, темно. Долгая, очень долгая разлука, но Лада, Лада всех соберёт, с медведицей и медвежатами будут встречи, и не один раз. Разные будут встречи.

После этих слов Проску обессиленно опустила руки, а Василиса поднесла ей ковш водички. Проску благодарно кивнула и стала жадно пить. И все повернули головы в сторону кровати Млады, и у каждого свои мысли, какая судьба уготована маленькой Ладушке, только боги знают.

Вечером недовольный Богдан готовился к завтрашнему дежурству, идти не хотелось, он так неплохо, очень даже неплохо утолил своё мужское эго. Фёкла такая славная и сладкая баба. После того как его отвергла Василиса и ушла к Гостомыслу, он ушёл из посёлка на вольные хлеба. Тогда вместе с ним ушёл и муженёк Фёклы. Но Велку не повезло, был жестоко ранен, тогда банда, т. е. охрана Спирида, уходила от погони, и по молчаливому приказу купца Богдан приотстал от своих, затащил раненого Велка со словами:

– Прости, друг, Фёкле помогу, обещаю.

И зарезал своего дружка. Если бы Велк попался преследователям, то сдал бы всех, а так его доля досталась Богдану, закон их банды.

Богдан выполнил своё обещание помочь Фёкле. Когда появился через несколько лет в посёлке, он сразу не пошёл, всё приглядывался, узнавал, как живёт, с кем. Убедился, что одна с дитём и живёт очень бедно, впроголодь, появился вечером с богатыми гостинцами. Фёкла признала Богдана, это он взбаламутил её мужа на заработки. Богдан здесь, а вот Велка нет. Богдан чинно, не спеша положил богатые дары и снедь на деревянный стол.

– Что, Фёкла, горячим изваром не угостишь? Разговор у нас будет долгий.

И на стол поставил кувшин с хмельным.

Фёкла несмело поставила котелок на огонь, напиток готовить, а Богдан оглядел ладную фигуру Фёклы, стал рассказывать про Велка.

– Какой он был хорошим товарищем и воином и что не один раз спасал жизнь Богдану. Только купец, на которого мы работали, жадный был, оплату малую давал, а мы его защищали от разбойного люда. Но однажды попали в засаду, бой был очень свирепый, мы одолели эту банду, но и наших аж семеро полегло, семь мужей погибло, и среди них твой Велк. Мы их похоронили на хорошем месте, красивая поляна у могучего дуба. Тогда и меня сильно поранило...

Он поднял рубашку, показал свежий рубец.

– Вот так, Фёкла, когда Велк уходил, просил меня о тебе позаботиться и передать вот это.

Когда Богдан убил Велка, он осмотрел все его карманы и его сидр, всё ценное переложил себе. И сейчас выложил на стол, что-то его, что-то своё, он долго перебирал и оценивал, чтобы не упустить выгоду в дальнейшем.

– А это особенно просил Велк повязать тебе на шее.

И он повязал искусно сделанное сердечко: по периметру мелкие красные камушки, на чёрном шнуре с серебряной ниткой.

– Носи и радуйся сама, и радуй Велка.

Этой дуре всё едино, хотя на вид бабёнка ещё ничего. Вспомнил, глядя на сердечко, как срывал с детской шеи после того, как изнасиловал и убил.

Сейчас, глядя на Фёклу, и видит, как у неё глаза от такой роскоши заблестели, был доволен. Он налил хмельного:

– Фёкла, давай пригубим за Велка нашего, пусть земля ему будет пухом, а его враги сгинут.

Так, пригубив одну, потом ещё и ещё, Фёкла поплыла и оказалась в жарких объятиях Богдана. Фёкла одна жила, никому не нужная, брошенная жена, а тут...

Вот и завертелось у них, обе стороны были довольны, только, уходя от неё, Богдан бесился, но не показывал вида: почему не Василиса. Внутри это пожирало его, он видел Василису, но после шёл к Фёкле и был зверски неистов, представлял Василису.

После бурно проведённого времени у Богдана была жажда, и он искал в доме у матушки, где же заветный кувшинчик, утолить жажду. Не находит, настроение с каждой минутой ухудшалось, пришла матушка.

– Здравствуй, сынок, что-то запоздал, как вижу, – с иронией спросила.

– Мать... где мой кувшинчик?

– Так в погребе, где же ему быть, мне он без надобности, ты же обещал.

– Мне завтра идти, а сейчас...

– Да, ты же обещал, – скорбно поджала губы.

– Хватит, мать, хватит, – зло сказал сынок.

Рано утром, с первыми петухами, Богдан одел своё воинское одеяние. На голове начищенный шлем с бахромой, прикрывающей шею, кольчуга, начищенная до блеска, наплечники. На поясе очень хороший дорогой меч, на другом боку чуть поменьше, в половину меча, широкий нож, железные наколенники, кисти рук закрыты железными перчатками. Всё это добыто в бою и не... Смотрелось на статной фигуре Богдана очень впечатляюще, можно сказать, многие завидовали удали Богдана, а девки и женщины засматривались. По сравнению с ним невзрачная фигура Василиса и воинская одежда, если сравнить Белый гриб и поганка. Богдан это видел и знал и как мог подтрунивал над Василисом.

Василис молча терпел, не огрызался, ждал конца дежурства.

Василис брал усиленные уроки по владению оружием и ведению поединка, его учил Аслябий, но он не вернулся, говорят, князь осерчал и в остроге держит, продолжает с ним Лучезар.

Главное для воина не как он одет и смотрелся со стороны, а как владеет оружием, это Василис крепко усвоил.

На второй день после очередного оскорбления Василис посмотрел на Богдана:

– Богдан, я о твоём поведении и небрежном несении дежурства и про твоё распитие хмельного доложил Громобою, просил его, чтобы заменил меня, а то...

Богдан выслушал, остановился:

– Я знаю, ну и что, а что значит – А ТО?

– Это Громобой решит, к сожалению, не я.

– Ты чё... голосок появился? А то укорочу, и паскудные слова не будешь произносить, мычать будешь, телок недоделанный.

Богдан распылялся, глядя на невозмутимого Василиса, достал свою баклажку, демонстративно пригубил:

– Ну чё, телок, беги докладывай, дожил я на вас всех.

Млада и Горошек возвращались с полными корзинками грибов для соления. Они белые, блестели, такие аппетитные, аккуратно уложенные в корзинках. Услышали громкие голоса, остановились.

Горошек:

– Это же наша стража, Василь и Богдан, а чё они кричат?

И они спрятались за кустами, кусты плотные, их не видно.

Богдан всё чаще прикладывался к баклажке и заводился. Василис спокойно наблюдает, но был готов, не расслаблялся, он не ожидал подлого удара. Василис стоял рядом с могучей лиственницей, ствол покрыт сучками и отслоённой корой.

– Как я тебе скажу, телок, в нашей той славной ватаге такие не держались, избавлялись от них любым способом.

Спокойно повернулся, якобы собирался уходить, и тут же с разворота железной перчаткой хлестнул по голове Василиса. Голова Василиса ударилась о ствол лиственницы, сучок пробил голову, на голове не было шлема, и он рухнул на зем-

лю, голова попала на муравейник.

Богдан отмахнулся от этого телка, как от мухи, и хотел уйти дальше.

В тишине пронзительно раздался крик Млады:

– Дядя Богдан, не надо бить, ему же больно.

Богдан от крика опешил, обернулся, видит: Василис лежит без движения, голова в крови, он удивился, такого он не ожидал. К ним бежит девочка пяти-шести лет. Да это же девонька Гостомысла, видел, как она уронила корзинку с грибами, они рассыпались, подбежала к Василису и пытается голову убрать с муравейника.

У Богдана в голове:

«Какой бы он ни был телком, но в муравейнике – это чересчур».

Подошёл и за ногу оттащил на метра четыре-пять.

Млада вытащила платок и вытирает кровь:

– Она идёт, надо прижать, дядя Богдан, надо ему помочь, а то плохо будет.

Он подошёл, сгрёб её своей лапой:

– Ну вот и свиделись. А где мама???

Горошек сорвался с места, побежал за помощью.

Богдан:

– Да не переживай, он полежит и побежит жаловаться, а тебя как звать, мелюзга?

– Я не мелюзга, я Млада, мой папа кузнец Гост, отпустите.

– Да нет, малышка, я сначала позабавлюсь с тобой, потом

найду твоего папу и маму и тоже позабавлюсь. Весело будет.

– Отпустите меня, мне больно.

– Это ещё не больно... Боль впереди, я знаю.

Богдан растягивал удовольствие, смаковал каждое слово. Он видел: эта малая не знает, что он с ней сделает, и он начал фантазировать, вспоминая былое. Богдан не торопился, растягивал удовольствие и ждал, когда ужас появится в глазах этой малявки.

До дома было совсем недалеко, и Горошек очень старался, забежал в кухню:

– Там, там Млада... Богдан убил Василя, и Млада у него-о-о.

Гост схватил свой посох, вес которого полтора пуда и из железа, побежал, как никогда не бегал. Он вбежал на поляну, видит: Василис лежит без движения, Богдан к нему спиной и он срывает платье с Млады.

Гост, еле сдерживая себя:

– Стой, Богдан, отойди от ребёнка, я здесь.

От неожиданности он выпустил из рук Младу, та отбежала, стоит голенькая, незащищённая.

Но у Богдана в руках тут же оказался меч и широкий нож-полумеч.

– Дочурка, уйди за кусты и беги домой, у нас тут мужчина с гнусью, поговорю с ним. Не стой, беги.

Плотоядный взор на худенькое тельце девочки, убегает, ничего, ненадолго. Значит, сам пришёл, и кто же тебя по-

звал? Ну ничего, я со всей твоей семейкой разберусь, весь змеиный выводок кончу.

– Ну а ты первый, потом та сучка, что от меня отказалась, тебя выбрала. Я её как девку ублажу, на её глазах выводок кончу, потом её.

Он это говорил, и они кружили, искали момент удара. Один весь в броне, с мечом в одной руке и полумечом в другой, как ими пользоваться, он хорошо умел. Опыт у него большой, больше десяти лет грабил и убивал, а сколько вот таких схваток – не счесть. Громадный, в броне, весь как ртуть перетекает из одной позиции в другую, легко перебирает ногами, ждёт, разговором притупляет внимание. Второй напротив него, в одной рубахе и штанах, волосы на голове свисают до плеч, подвязаны бечёвкой, в руке только посох, правда, не простой. Он ждёт, он имеет боевую подготовку, его учили Аслябий, Лучезар и Громобой, но боевых схваток не было. Гост сосредоточен, ждёт, посох, как тростинка, летает из стороны в сторону, полтора пуда железа и мгновенная реакция Госта – вот и всё оружие и защита.

Не надо было пить хмельное Богдану, и он начал первым. Меч волнообразно рассекает воздух и, как змея, ныряет к Госту, ищет, пробует слабинку, веер меча и полумеча закружил, всё слилось, удара нападения не видно, резкий выпад меча и тут же скользящий удар полумеча, и на бедре у Госта окрасились штаны в красный цвет.

– Гост, я тебя резать по частям буду.

Гост понял свой просчёт пассивной обороны и изменил тактику боя, появились внезапные выпады и удары, мгновенно реагируя на выпады Богдана. У Богдана улыбочка сошла, и он стал очень внимательным и собранным, уже осторожно нападал или завлекал, показывал, как он слаб. Во время одного выпада он в сердцах откинул ногой корзинку, и грибы рассыпались. Гост быстро сообразил и стал выводить Богдана на грибы. И тот при ударе мечом наступил на грибы и поскользнулся, не устоял, этого было достаточно. Гост мгновенно ударил по мечу и с разворота всей мощью по коленке, уходя вбок, и рубящий удар сверху вниз по шлему. Богдан среагировал, меч встретил полуторапудовый посох, изменив движение, тело Богдана заваливалось на повреждённую ногу, она не держала. Посох скользнул вдоль головы, раздробил челюсть и перебил ключицу и позвонок шеи. Богдан упал на землю. Гост посохом рубанул по перчатке, меч выпал на землю, он замахнулся, чтобы поставить окончательную точку, покончить с этой мразью.

В тишине раздался мощный бас Громобоя:

– Не смей... Будем судить, не смей.

Гостомысл обернулся, стояла Василиса, прижимая к себе закутанную Ладугу, рядом Горошек и Первак. Василиса кинулась к нему:

– Ты держись, я сейчас, я сейчас, кровушка идёт, её надо остановить.

Лучезар дал двум стражникам распоряжение: связать и

доставить в тёмную, телега подойдёт.

Гостомысл обнимал детей, Василиса его перевязала рубашкой, что была на нём.

– Громобой, меч мой и заберу перчатку, давно хотел сделать, а как – не знал, вот есть образец.

И Богдану:

– Скажи спасибо Громобою, ещё немного поживёшь. Как там Василис, жив ли или...

– Пока жив, но голова сильно повреждена, Лада кровушку остановила, но...

Пока дождались телеги, слух о злодеянии Богдана разлетелся по селению, достиг он и Авдотьи и Фёклы. Перед селением Авдотья встретила телегу с сыном и лежащим Василисом, она видела, как страшно покалечен Богдан.

– Сынок, я же просила, просила, не пей.

Сердце защемило, и её подхватила Фёкла, сильная воительница потеряла сознание. Авдотья пришла в себя, опираясь на Фёклу, подошла к Громобою.

– Гром, позволь мне с ним побыть напоследок, сын ведь, может, боль сниму ему и себе. Позволь. Пусть в родительском доме примет то, что его ждёт, ты же меня знаешь.

– Хорошо, Авдотья, мы же не звери, пусть у тебя ждёт суд. Ефра обработала рану у Гостомысла, сказала:

– Всё хорошо, заживёт.

Оказала помощь Василису, долго щупала голову, смотрела зрачки.

– Да, Ладушка, ты его спасла, очень сильное сотрясение головы от удара. Покой нужен и никакого труда и напряжения.

Её позвала Авдотья, Ефра не хотела идти, всё знала про этого злодея, но она врачеватель. Пришла в дом Авдотьи, там Фёкла стоит и не знает, что делать. Осмотрела челюсть, попыталась уложить кости.

– Здесь мужские руки нужны, а не мои старческие.

Вместе с Фёклой наложили чистую повязку на ключицу.

– А вот что с коленом... – только наложила повязку. – Может, срастётся. Жил бы как все, красавцем был бы, а так ты калека, никто тебе, кроме матери, не поможет, если суд переживёшь.

Фёкла:

– А я, я помогу. МОИ ЭТО МУЖ. Мой, никому не отдам.

Ефра на неё укоризненно посмотрела:

– Глупая ты, но тебе жить, он это не оценит. Тебе жить.

И ушла.

Осень вступает в свои права, всё чаще над головой уже не голубое небо и не светит часто ясно солнышко. Тучи с ночи заполняют небосвод, и проливал дождь, тогда бригада «добытчиков» сидела дома, Млада и Горошек помогали маме, а Первак вместе с отцом познаёт азы кузнеца, ему нравится возиться с огнём и металлом. Иногда зарядит противный мелкий дождь, а иногда крупный заливает землю, злой, с сильным ветром, с громом и молниями. Это бог Перун не в духе,

свои порядки наводит. Лес линяет, окрас из сплошного зелёного превращается в разноцветный: жёлтый, красный, коричневый вперемежку с зелёным. Лес готовится к долгой зиме, скидывает свою одежду. Когда солнышко празднует свою победу в небе, вот тогда малыши уходят в лес и всегда возвращаются с добычей, иногда с хорошей, так что Большой был при деле.

Вот и на этот раз, одевшись потеплее, пошли втроем на поиски, особенно хороша брусника и клюква, заморозков ещё не было, но было прохладно и сыро. Детвора прошла по знакомым местам, корзинки полные, и не спеша возвращались домой, да и солнышко как бы начало прятаться, сначала за белыми облаками, потом облака стали менять окрас. И всё чаще появлялись тёмные грозные дождевые облака, где-то вдали гремел гром. По слуху, вроде гром приближался, дети ускорили шаг, до дома осталось метров триста, но полил дождь, и они спрятались под кроной большой одинокой берёзы, она укрыла их от дождя. Дети и взрослые всегда спасались от дождя под дружелюбной кроной одинокой большой берёзы, сколько ей лет, никто не знал.

Гостомысл вышел из кузни подышать свежим, насыщенным озоном воздухом, дышалось легко. Он увидел, как детишки добежали до берёзы, и она своей листвой укрыла от дождя.

Ветер не на шутку усиливался, дождь крепчал, видать, затяжной будет, он встревоженно осмотрел небо, да... ниче-

го хорошего, дело привычное. Но на сердце тревожно. Небо покрыто чёрными облаками, изредка кое-где сереет, и раскаты грома всё ближе, чередуясь со вспышками молнии. Это чем же ты, Перун, так недоволен, что свой гнев и недовольство рушишь на землю. Между молнией и раскатом грома всё меньше времени, на нас катит волна негодования. Гостомысл не уходил, дождь его обмывал, но он не замечал, после жаркой печи так приятно телу, только за детей тревожно. В небе всё смешалось, молния и гром одновременно, это уже над нами, грозовые тучи медленно смещались в сторону капища, там началось святое представление, жутко, страшно и завораживающе. Гнев богов во плоти.

Госту казалось, что проглядывается силуэт титана, сотканного из серочёрных облаков. Длань титана направлена на капище и медленно поворачивается в сторону селения Сторожевого, из неё вырывалось скопище огненных змей, огненные росчерки по всему небу. Огненные змеи искали добычу, они вонзались в землю со страшным грохотом, эта вакханалия смерти не прекращалась, бог от отчаяния уничтожал всё, показывал этим людишкам свою мощь. Одна огненная змея, извиваясь, устремилась к одинокой берёзе. Для Госта время как бы затормозилось, всё замерло, вот она жадно встретилась с верхушкой берёзы. Видит, как ствол берёзы ломается, а огненная змея спускается по стволу к земле, к детям.

Гост видит и шепчет про себя:

– НЕТ, НЕТ, ПРОНЕСИ, ПРОНЕСИ, ТАК НЕПРАВИЛЬНО.

Но огненная змея прошла до конца, прошла через Младу, Горошка и Первака и ушла в землю. Для него это тянулось долго, но на самом деле секунду, и страшный раскат грома как бы говорил о хорошем выполнении задания титана, она сделала, она исполнила волю богов.

Дети после прохождения огненной змеи, как тряпичные куклы, упали безвольно на землю, застыв неподвижно. Гост от отчаяния схватил посох, после схватки с Богданом посох стал его частью, и побежал к детям. Не добегая метров 5–7, протянул руки, что-то мешает, посох, он его в сердцах вогнал в землю и тихим шагом шёл к поверженным телам. Рухнул перед ними на колени, смотрит на лица, слёзы шли, он не может оторвать свой взор от детей.

Гост поднял голову вверх и с ненавидящим взглядом и ожесточением:

– Я... проклиная тебя, убийца детей, вы для меня не боги, всё сделаю, чтобы вас уничтожить. Ваше капище сотру с лица земли. ПРОКЛИНАЮ ВАС!

А огненные змеи одна за одной вонзались в посох, посох – защитник детей, посох раскалялся, посох защищал.

Со стороны было заметно, как к посоху стекается со всех сторон что-то, притягивает в эпицентр что-то, а молнии всё бьют и бьют по посоху, изливают злобу титана и не могут. К посоху стягивается весь негатив, оглушительный грохот... и

тишина. Резко наступила тишина, и только мелкий дождик орошал всё вокруг.

Страшные слова горем убитого человека, возможно, дошли до... но дело сделано.

В этот вечер Авдотья была у Громобоя, это уже не горем сломленная старуха, а жёсткая воительница, такая, какой её знал Громобой. Она доложила о готовности стражи Мурены и сделала глубокомысленный намёк. Слухи доходят с разных мест нашей Родины о страшных деяниях новой веры, новая вера в какого-то Христа идёт по Родине с мечом и огнём, кто против – уничтожают. Князья выполняют волю правителя славян.

В это время на небе творилось невообразимое. Гром и молнии по звуку приближались, они вышли на крыльцо, подошёл Лучезар. Стихия идёт в сторону капища, и именно над капищем молнии чаще сверкают.

– Нек добру это, знак... недобрый. Гром, бабы говорят, дружина князя приняла веру... крестилась, чтобы выполнить приказ князя, они служивые, службу несут, в походах не участвуют, норманны зверствуют с чёрной нечистью, у которых кресты на шее, но от богов наших не отказываются.

– Гром, надо подумать, людей надо сохранить, крепко подумать надо. Может, если придут норманны, наказать их смертным боем, своих не трогать и скрыться. Всё ценное и накопленное веками хорошо спрятать, никто не должен знать куда, даже свои.

– Мудра ты, Авдотья, мысли наши совпадают.

Молнии озарили небосвод, и гром грянул как бы по-особенному.

Лучезар пригладил растрёпанные волосы:

– Есть у меня информация, это на наше главное капище князь приведёт, пригонит всех захваченных им недовольных новой верой и наших мужей с капищ, там и Аслябий, хочет сделать показательную казнь. Хотят на главном капище убийство совершить, одним махом, убивая хранителей капищ, доказать всем, что боги слабы и не спасут, а их бог сильный и с ними. Мы последний оплот.

– Может, здесь бой дадим своей стражей, отобьём Аслябия, если он жив, и остальных, после растворимся в лесу.

– Давайте подумаем, как лучше, у них мощь... дружина.

В это время Фёкла в разгул стихии и проливного дождя подогнала телегу к дому, помогла Богдану доковылять до телеги, собрала его вещи, и тихо, не шумя, стали удаляться из селения под грохот грома и огненных молний. Об этом Богдан с Фёклой договорились заранее, молодой сильный организм справлялся, потихоньку восстанавливался, он даже матери не показывал и не говорил, что ему становилось легче, лежал пластом.

Богдан задумал отомстить не мечом, так словом, сбежать к князю и всё ему выложить про этих святош и их тайные схроны, Фёкла, дура, поможет.

Как только выехали из селения, Богдан приказал:

– Гони, гони без остановки, Фёкла, погода за нас.

Он вдыхал воздух свободы. Опять пронесло, ускользнул, поживём ещё, ушёл, ушёл от смерти. Бабы его спасают от другой МАРЕНЫ.

Обговорив все вопросы, Авдотья пошла домой к сыну, думала, как уберечь сына от лютой кары за его преступление, как бы смягчить наказание. Подходя к дому, обратила внимание: ворота распахнуты, следы от телеги, сердце ёкнуло. Она поспешила в дом, там всё разбросано, видны следы спешных сборов, в комнате нет Богдана, простынь и одеяло скомканы, частично на полу.

– Что же ты наделал, сынок, я не смогу тебя спасти.

Видно, что спешили, вещей Богдана нет, она побежала в дом Фёклы, там малец в одиночестве тупо смотрит, сын Фёклы не знает, где мать. Авдотья побежала к Грому, чуяла неладное, Богдан много знал, надо опередить. Она подняла Грома, доложила, что Богдан сбежал, возможно, к князю и попам, куда же ещё.

– Гром, дай повозку, я верну его, я мать, я решу.

Гром крикнул, послушал Авдотью, оставил сынка в её доме, не уследили, Богдан много знал, пока нёс дежурство и жил в посёлке. Если к князю с дурными мыслями, очень плохо для нас, критически плохо. Он пристально посмотрел на Авдотью:

– Не надо было мне соглашаться оставить его у тебя в доме. Ты понимаешь, Авдотья, о чём мы говорили и порешили,

уже не имеет значения. Всё рушится, и мы никого не спасём. Не надо было мне соглашаться, не надо было.

И пытливо смотрит на Авдотью.

Авдотья поджала губы, лицо строгое, она приняла решение для себя.

– Гром... мне нужна повозка и один воин, и я... всё решу, ты меня знаешь.

Слёз на глазах нет, только жестокость и решимость в глазах.

– Бери мою повозку.

И он крикнул:

– Никита, собирайся, поедешь вместе с Авдотьей. Авдотья, возвращайся, ты нам нужна.

Повозка с Авдотьей и Никитой скрылась в ночи, до рассвета часа два. Гром смотрел на удаляющуюся тележку, он знал, что Авдотью больше живой не увидит, он видел по её глазам, по её поведению и решительности.

Последний отряд после карательной экспедиции прибыл в городок, пригнал около семи слуг былой веры. Всё княжество зачищено, осталось поставить заключительную точку, уничтожить последний оплот старой веры.

Как советует поп Гамерчини, чтобы страх точка должна быть жёсткой, чтобы страх парализовал тех, кто держится за старую веру. А тех, кто держится за старую веру, казнить огнём и мечом, проклятое капище сравнять с землёй. Князь выполняет волю верховного правителя, но в душе, политика

есть политика.

Князь пошёл в острог, сказал доставить к нему Аслябия. Сидел в задумчивости и ждал, Аслябия доставили.

– Садись, Аслябий, разговор есть... возможно, последний, всё зависит, как ты решишь. Сначала я тебе кое-что скажу, не буду скрывать от тебя, ничего, да и никто нас не услышит. Чтобы знал: в моём княжестве только одно место, где ещё не остановлена деятельность капища. Это место, где ты служишь. Во всех княжествах в основном население приведено к новой вере, инакомыслящих уничтожают, везде идёт уничтожение всего накопленного тысячелетиями, ты это понимаешь. Я не сторонник этих действий, но я подчиняюсь верховной власти. По мне, две веры могли бы в мире сосуществовать, но нет... кровожадные эти попы и пришлые требуют зачистить всё, вплоть до памяти и вековых знаний. И ещё идёт такое сопротивление, веру принимают, а делают по-старому, богов своих не забывают. У меня два карательных отряда вместе с попами казнены на дороге, именно казнены за злодеяния. Я тебе всё сказал, вопрос прежний. Прими веру, уговори всех узников принять веру, после отпущу к Громобою, они так же примут веру. Я не хочу крови, показательных казней, не по мне это.

У Аслябия перебинтована голова, затёкший глаз, рука на перевязи, но духом твёрд.

– Князь Святослав, всё ты рассказал. Что у нас, что в других княжествах – так я это знаю, ведь я общаюсь с узниками.

Я знаю: свирепый зверь пришёл в наш дом и режет, как овец, безвинных во славу новой веры. Ты же знаешь, что твои попы, как бы помягче сказать, самые что ни на есть исчадия НАВИ, они прислужники подземной нечисти, а для кого они «трудятся», эти слуги? Для вашего ХРИСТА. Кровь, казни, страдания народа, а где же добро? Правдивые и страшные слова говоришь, не боишься, что доложат кому следует, самый подлый народ – это твои слуги и приближённые, везде есть уши. Жаль мне тебя, если не обманываешь, то вы неугодный этим шавкам, рядом будем гореть, пугать надо и вас.

– Князь Святослав, вы же давно всё решили: казнить прилюдно, показательно, чтобы запугать остальных. Ну, дадим мы согласие на крещение... всё равно казните, вам зрелище надо, доказать самим себе. Лучше умереть с чистой совестью и чистыми перед пращурами. Умереть не страшно, а быть в памяти людей предателями – позорно, это хуже самой смерти. Прощай, князь, мы готовы принять смерть.

– Не понял ты меня, я бы договорился, не понял ты...

Был ли расстроен разговором с Аслябием? Нет, всё давно решено. А бабы нарожают новое поколение, которое эту веру безоговорочно примет. Он вышел из острога и шёл к терему, к нему присоединились поп Гомарчини и воевода Ольберг. На вопрос попа князь зло буркнул:

– Всё по плану.

После он ждёт старого друга, богатейшего купца Афана-

сия Протопыча. Они подошли к крыльцу, остановились, решали бытовые вопросы с воеводой Ольбергом. Они обратили внимание: остановилась повозка у края площади, с неё с большим трудом слез мужчина, ему помогала хрупкая девица. Девица, поддерживая массивного мужчину, выкрикивала:

– Князь Святослав, слово и дело, слово и дело.

Князь ждал, что будет дальше, команду дал стражникам не мешать, ведь слово и дело – это важно. Потом увидел: к ним идёт старая женщина, сгорбленная, с клюкой. Она догнала двоих, мужчина опёрся, обнял старую женщину, и так втроём подошли к князю.

Князь обратил внимание, что мужчина покалечен, лицо перекошено, ему тяжело говорить, его слова озвучивала девица. Он шептал, она озвучивала, и князь увидел на шее такой знакомый медальон со шнуром, пронизанным серебряной ниткой. Он его подарил дочке Афанасия Злате на десять лет. После злостного убийства семьи Афанасия тот нашёл эту банду так называемого купца Спирида, жёстко допросил и повесил, пятеро скрылись, скрылся и тот, что насиловал и зверски убил, отрезал голову, чтобы снять медальон, хитрая застёжка была на шнуре. Описания всех пятерых были, все годы шли поиски, но следов не было, а тут.

Девица оглашала, что говорил этот мужчина:

– Князь, я был в охране капища, что рядом с посёлком Сторожевое, я крещёный, – и показывает нательный крест. –

Меня они покалечили за мою веру.

Старая женщина недоумённо смотрит и слушает этот бред.

– Сынок... Ты что, ты что, зачем ты так, ты присягу давал нам всем.

– Я много знаю их тайн, где что спрятали, их ловушки на подходе к капищу.

Агафья выпрямилась:

– Сынок, молчи, грех это, против своих.

– Мамо, я им отомщу за всё это.

– Нет, сынок, прости.

Откуда-то появился тонкий длинный клинок, и она вонзила его в сердце сына.

– Прости, сын, прости.

У Богдана округлились глаза, недоумение:

– Ма-а-а-а...

И тело медленно осело на землю, Фёкла сразу и не поняла, пыталась удержать, но нет.

Авдотья встала на колени, обняла сына.

– Прости, сынок, прости.

И вонзила кинжал себе в сердце. Две фигуры у ног князя, матери и сына, застывшие. Фёкла, когда поняла, завывала в голос. Князь своей охране указал на девицу:

– Взять и в камеру, глаз не спускать. Этих двоих обыскать, узнать, кто такие, и в холодную, ждём Афанасия.

– Гамарчин, какие странные дикари, мать убивает сына, а

ведь он спешил к вам, ваше величество, доложить важное, очень важное, за что жизни лишился, кто же его так изуродовал?

– Да, с такими надо бороться не словом Господним, а мечом и огнём. Много, много у них свободы.

– Ты, поп, не жил в нашей стране, это наше, мы свободолюбивые, в робах не ходили, как вы.

– Жаль, укоротить эту свободу, и вам, ваше величество, управлять ими легче будет.

Никита понял, что произошло: Авдотья не дала Богдану выдать тайну, и он не проявил желания просить князя забрать тело Авдотьи. Он спокойно, не вызывая подозрения, выехал из городка и в сторону Сторожевого. По прибытии в Сторожевое – на доклад к Громобою. Громобой мрачно выслушал.

– Да, надо готовиться к приходу неожиданных гостей. Как ты думаешь, мой друг Лучезар, исходя из нашего опыта, за один раз лучниками сколько неожиданно выводим из строя?

– Девы, думаю, двенадцать... плюс двенадцать, итого двадцать четыре. Наши с тыла – получается около 40–50 воинов. У нас потерь не должно быть, девы уходят на второй рубеж, так же и стража, отходят поочерёдно, прикрывая друг друга. Выбивать только норманнов, своих пока нет.

– Ни шума, ни крика, внезапно, они не знают, с какой стороны нападут, значит, как всегда, в коробочку и под прикрытием щитов. Сколько в коробке воинов, мы можем посчи-

тать, и тогда решаем: либо добить, либо уходить. Тогда вопрос освобождения смертников не стоит. Это неприемлемо.

– У них тоже есть хорошие лучники, главное – выбиваем норманнов.

Если придёт около пятидесяти воинов, у нас есть ещё шанс спасти братьев и приговорённых.

– Сколько их будет, мы их на подходе посчитаем, юноши у нас очень шустрые, особенно внук Аслябия.

Громобой быстро организовал внешнюю разведку из мальцов, начнём с городка, с истоков и до нас, главный – Корней.

– Ну что, Лучезар, главное – не потерять людей, освободить друзей наших, обречённых на смерть, и закончить службу при капище. Боги сами решили за нас, они ушли. Смотрю на бывшее величие, и что... Перун постарался, хотел стереть с глаз людских святое для нас место.

– Да, Гром, зрелище ужасное и деяние его тоже, лики и стволы разбиты, всё обожжено, особенно Перун, только Марена как бы обновилась, даже окрас ожил. Знак нам всем, здесь нет жизни, власть МАРЕНЫ.

– Если они это увидят, то будут сильно удивлены, вот в этот момент и нанесём удар. Все должны быть готовы, наша цель – освободить братьев.

Гостомысл, рухнувший на колени в трёх метрах от тел, проклиная Перуна, который сотворил такое, обливаясь слезами. Да... этот сильный в жизни, мощный муж обливается

слезами, тело содрогалось от рыдания, медленно, перебирая коленями, подползал к Младе. Ни грохот, вспышки молний, безумства природы – он на это не обращал внимания, а сверкающие огненные змеи впивались в посох. Тело Госта содрогалось от разрядов молний и как бы вытягивало из него что-то, это что-то как бы притягивалось после удара молний в посох, оно ползло в посох. Гост наклонил голову к Младе, прикоснулся:

– Маленькая моя, любимая Ладушка, за что, за что, что ты сделала?

Он схватил её руками:

– Родная моя, прости, прости меня, не уберёг.

Слёзы катились, горе сковало тело. Он не понял, ему уже стало чудиться, он так хотел. Две маленькие ладошки легли на голову и нежно обняли, маленькие пальчики перебирали его волосы.

Вот хотелось от горя.

Нежный голосок Лады:

– Папуля, папуля, а... что ты плачешь?

И ручки крепко, нежно обняли.

Вот тут Госта и пронзило что-то, он поднял голову и неверящими глазами смотрел на Ладу. Нет, нет, она жива, жива, и он, заливаясь слезами радости, целовал личико Ладушки. Он увидел на левом виске белую прядь волос, и её нежно-голубые глаза приобрели какой-то строгий синий оттенок. Детский и в то же время очень взрослый взгляд. Это ему почу-

дилось, и глазки опять стали нежно-голубые.

– Тятя... Я что-то упала и... намокла.

– Я сейчас, сейчас, доченька.

Он протянул к безвольному телу Горошка, надеясь на чудо. И чудо случилось, Горошек слабо пошевелился, Гост обнял его, прижал, гладит своей могучей ладонью его голову.

Горошек слабо:

– Тятя, я...

И заплакал.

И Госту почудилось, что на него из-под полуопущенных ресниц строгий взгляд взрослого мужа, показалось кратко-временно. Гост от неожиданности помотал головой, нет, почудилось, любимые глазки смотрели на него. А на левом виске белая прядь волос. Передвигая коленками, он подполз к Перваку, ожидая чуда и не веря, приложил палец к шее. Он заметил крохотное биение жилки:

– ЖИВ.

Но Первак не подавал признаков жизни. Краем глаза он увидел, как бежит Василиса. Сидя на мокрой траве, он от счастья прижимал к себе Ладушку, Горошка и рукой сжал безжизненную руку Первака, всё, всё будет хорошо, мы здесь, мы вместе.

Василиса подбежала, упала на колени рядом с Перваком:

– Гост, Гост, что, что с ним, почему лежит?

– Любимая, он жив, вот только ему плохо, очень плохо, надо Ефру, она поможет. Давай посидим, так хорошо, а то у

меня что-то с ногами.

Несмотря на дождь и что на сырой земле, они были счастливы, горе прошло стороной, вместе мы выстоим и будем жить. Первое напряжение прошло, Гост взял на руки Первака и, оборачиваясь к Василисе:

– Милая, побудь пока с детьми, я Первака отнесу и приду за вами, потерпите, мои хорошие.

И Гост скорым шагом, нежно прижимая Первака, устремился домой. Зашёл в дом, там он увидел Ефру, он недоумённо смотрит на неё.

– Зов у меня был, и я здесь, ложи сюда, я посмотрю, а ты беги, дети ждут.

Он аккуратно уложил Первака, пожал его безвольную руку.

– Я скоро.

Умоляюще посмотрел на Ефру.

– Я побег.

И он сорвался в бег. Прибежал, помог встать Василисе, двоих малышей прижал к себе, они обняли его шею, скорым шагом пошли домой.

Дома Ефра осматривала голое тело Первака: на левом виске белая прядь, а на левой половине, от плеча и до ступни, витиеватый узор, как будто знаки, руны Перуна указывают на что-то.

Знак Перуна, что это означает? Ефра когда-то от своей прабабки слышала: это какой-то знак принадлежности Пе-

руну, но что он означает? Она вспомнила: чтобы вывести из этого состояния, надо закопать в землю или облить водой, чтобы остатки удара Перуна ушли в землю или слились водой. Как долго – вопрос. Она это сказала Госту и Василисе. Время, время не важно, важна жизнь сына.

Гост задумался:

– В землю нельзя, холодно, сгубим Первака, а что, если в бане, тепло и вода есть, так все детишки и согреются, и остаточный удар Перуна уйдёт.

Ефра:

– Что стоишь? Иди топи, время идёт.

Она осмотрела тела Млады и Горошка, и, что удивительно, у всех левая сторона в виде символов. Когда глаза Млады и Ефры встретились, Ефра аж отшатнулась, на мгновение ей почудился очень взрослый взгляд. Она обернулась к Горошку и обомлела: тот же взрослый чужой взгляд пронзил её.

– Баня готова, – озабоченный Гост доложил.

И они перенесли детей, предварительно завернув в одеяла. В бане детей положили на полати, и Василиса с Ефрой приступили к обмыву тел. Гост готовил воду, приносил, все трудились, спешки не было. Возвращение здоровья к жизни не требует суеты.

Гост рассказал Ефре, что Млада была первая у дерева, Горошек второй, крайний Первак. Первак получил весь удар, и через него в землю ушла молния.

– Гост, это чудо, что они живы, может, и не были. Сдаёт-

ся мне, Перун жизнь забрал, но потом вернул, видишь, руны непонятные и... потом. Потом мне надо с Проску поговорить, может, ей что видится и руны поймёт.

Загадочные слова удивили Госта и Василису, и они по-другому посмотрели на детей.

Поп Гамерчини приставал к князю Святославу:

– Ну что тянем с неверными, кончать надо, как задумано, время дорого.

На что князь зло:

– Займись своей паствой, ещё раз напомнишь... прикажу выпороть, пошёл прочь.

Поп поспешно ушёл из покоев, он обратил своё внимание: настроение, поведение князя изменилось после того, как он приказал девицу заточить в острог, а тела матери и сына – в холодную, перед этим узнать, кто такие, откуда все. Будем ждать Афанасия, так сказать. Что бы это значило? Воевода не знает, но дознание жёстко провели. Это он знает. Мать и сын из селения Сторожевое, что рядом с этим последним главным капищем. Якобы мать эта, Авдотья, начальник стражи МУРЕНЫ, тьфу ты, её сын Богдан полгода как появился в селении Сторожевое, был принят в стражу. Когда-то был в дружине князя, его выгнали за непотребность, пропал, где был? Что делал? И вот калекой объявился. Кто его так? Ведь недавно его покалечили. Одни вопросы, ладно, дело сделано, а эти восемь приговорённых пусть подождут. Не буду лезть с ненужными вопросами и советами к его величеству... «рабу

божьему» Святославу.

Этот поп вёл свою игру и все силы направлял на уничтожение всего старого, памяти о старых богах.

Вестовой прискакал и сразу прошёл к князю, он доложил, что купец Афанасий Прокопич прибудет к полудню. С этого момента всё и завертелось, шла подготовка и готовка угощений долгожданному гостю. Купец Афанасий на роскошной карете в сопровождении тридцати вооружённых по последнему слову конных воинов въехал на площадь. Воины встали, карета проехала до крыльца. Из неё вышел дородный мужчина лет пятидесяти, к нему навстречу спустился князь Святослав, обнялись по-братски и пошли в дом.

Всё это наблюдал поп Гамерчини, отметил про себя: никакого к нему уважения, прошёл мимо, как прошёл пустое место. Странно, надо взять на заметку. Своевольный, старорежимный.

В зале посидели, отпраздновали прибытие, обговорили, как дорога, как жизнь, нет ли изменений в личной жизни, так не спеша за разговором прошло много времени.

Святослав попросил прощения у Афанасия, приказал привести девицу Фёклу. Афанасий удивлённо глянул, но вида не подал. Когда ввели девицу, он глянул на неё мельком, волосы растрёпаны, неухоженная, и хотел отвернуться, но взор зацепился за шейное украшение. Он резко встал и широким шагом пошёл к девице, остановился рядом, глядит на медальон. Тычет пальцем ей в шею:

– Это... откуда у тебя и когда нацепила?

Сказано таким тоном, с такой внутренней злобой и ненавистью, что становится ясно, что будет, если...

Фёкла, не понимая, за что сидела в каземате, что этот дядька тычет в неё пальцем и спрашивает так страшно.

– М-м-м-мне м-муж по-подарил д-дней д-двадцать назад.

– Кто твой муж?

– Б-богдан, его мать убила.

– Мне содрать или сама снимешь?

– ЯЯЯ не умею, м-муж одел.

Афанасий схватил её за волосы, нагнул и расстегнул хитрый замочек. Вопросительно повернулся к Святославу.

– Извини, друг, я подумал, ты сам должен решить, что сделать.

– Где её муж?

– В холодной, пойдём, сверишь свои данные.

Афанасий смотрел на труп калеки, он зрительно убрал нанесённые травмы, да, это он.

Тот, который насиловал маленькую девочку и ради этого приглянувшегося медальона снять, содрать не смог, а резать – потеряет ценность, ещё живой отрезал голову.

– Спасибо, друг, за подарок, он последний в банде Спирида, все висят. Этого... этих повесить в Сто... как ты сказал, Сторожевой.

– Вот там, на площади, и повесить выродков.

Князь Святослав дал распоряжение:

– И пусть соберут население Сторожевого и доведут, за что и кого.

Когда кавалькада воинов с каретой купца, позади телега с телами, остановилась на площадке в Сторожевом, старший воин объявил собрать всё население. Громобой пришёл, узнал причину сбора населения Сторожевого, подошёл к карете купца Афанасия Прокопича, дверца открыта, купец наблюдал за исполнением.

– Уважаемый купец, я глава селения Сторожевого, и у нас будет просьба.

– Говори, глава селения.

– У нас лобное место, где мы сами караем таких, как этот. На этом мы воспитываем молодёжь.

– Плохо воспитываешь, глава.

– Да, плохо, где был этот почти пятнадцать лет, мы не знаем, что делал и где – тоже. Прибыл полгода назад, мы приняли с испытательным сроком, он не прошёл, за что поплатился. Мать его, уважаемая Авдотья, не знала про него пятнадцать лет, а когда узнала, то на глазах князя убила сына. Мать убила не сына, а этого, и убила себя, не вынося позора. Просьба: повесить этого на нашем месте, а Авдотью не трогай, отдай.

– Что... мне указывать...

Один из стражников:

– Уважаемый Афанасий Прокопович, Громобой говорит правду. Вы умный и справедливый человек.

– Мать забери, а этого вздёрнуть.

– Так и сделаем, уважаемый, нам позор не нужен.

Афанасий Прокопович прибыл в резиденцию князя Святослава, всю дорогу провёл в размышлениях.

– Друг мой, благодарю тебя, я выполнил клятву, данную над телом Златы, дочурки моей, всех застигла моя кара, спасибо тебе. Загостился я, поеду, вот только что скажу: в этом Сторожевом очень умный глава, думает о молодёжи, детях своих.

– Кажется, у тебя когда-то в дружине был, слишком запоминающееся имя – Громобой.

– Да... ты прав, только отец мой поставил его в Сторожевое жрецом на капище. А у нас, сам знаешь.

Афанасий внимательно посмотрел и тихо сказал:

– Договорись с ним, не прогадаешь, а то эти умных не любят. Ну, ещё раз скажу: спасибо тебе, снял тяжкий груз с души.

– А что мне с этой сделать, выпороть для острастки?

– Да нет, просто отпусти, баба не виновата, тем более знала его полгода, так что гони её, пусть живёт, а то, что в его мешках, забери себе в казну. Своё бабье счастье она получила, с этим ей жить.

Афанасий Прокопич уехал, на площади как-то стало тихо и одиноко. Он призвал к себе воеводу Ольберга, надо решить, чтобы не было проблем с капищем.

– Знай, воевода, там в охране капища мои бывшие дру-

жинники, непростые, их немного, в годах больших и калечные, но чрезвычайно опасные воины.

– Сколько их?

– Возможно, воинов двадцать, думаю, не больше.

Слух о том, что молнии поразили тела детей Василисы и Гостомысла во время буйства природы, природы ли? Сам Перун был в великом негодовании, был в бешенстве из-за поведения неблагодарных людишек. Досужие всезнающие кумушки что только не напридумывали. Только одна Прокла поставила точку, и люди поверили: сам Перун отметил их, вот только во что это выльется, никто, и Прокла, не знала.

А когда Громобой заявил, что боги ушли и капище почти опустело, народ собрался и пошёл на святая святых, куда им ход был закрыт. Но когда они пришли и увидели, что стволы вековых деревьев расколоты, разбиты, лик Перуна срезан наполовину и только один оставшийся целый глаз строго смотрел на них, стало страшно. Всё разбито, сожжено, и только ствол с ликом МАРЕНЫ цел, и создаётся впечатление: оно как бы омолодилось, изменилась цветовая гамма, а сама МАРЕНА смотрит на всех. И, глядя на неё, каждому чудится зловещая улыбка и как бы слёзы блестят.

Что это предвещает?

Все боги покинули святое место, только сама смерть на страже, ЖДЕТ. Собравшийся народ без команды попятился назад, святое место стало проклятым для неразумных людишек.

Страшно, как жить.

Люди покинули это место, ради чего жили, охраняли, заботились, этого нет, опустошённость внутри, потерял смысл жизни.

Громобой пришёл в кузню к Гостомыслу. Гост зло, исподлобья, смотрит на главу селения и главного жреца.

– Гост, присесть не предложишь, разговор у нас будет долгий, знаю о твоей беде. Как здоровье детишек?

– Дети... говоришь, беда прошла стороной, как предрекала Ефра, но было страшно. Я, мы чуть их не потеряли из-за твоего убийцы детей. С того дня я враг ему.

Громобой выслушал, не отреагировал на жёсткие слова Госта.

– Дети живы... хорошо, очень хорошо, они наше будущее, хорошие дети у тебя, но я не за этим. Ты выслушай меня, потом... потом решишь, что делать. Я, Лучезар и Авдотья, это было до гибели Авдотьи, решили, что наша миссия, оставленная нам нашими пращурами, по охране капища завершена. Но осталась главная миссия – спасение людей. Да, да, не удивляйся, много наших братьев, несогласных с князем и его попами, сидят в его каземате, там и Аслябий. Сколько их там, мы не знаем, содержат жёстко, пытаются, избивают, принуждают принять новую веру. До нас дошли сведения: в нашем княжестве, да и в остальных, капища, святые места разгромлены, осталось наше главное капище. Очень много людей сопротивляются новой вере. Ты, наверное, знаешь, что

наш князь со своими норманнами делает, или не знаешь. Ну так послушай, а то в кузню мало кто заходит, сидишь как сыч, трудишься и жизни радуешься. Не перебивай, послушай.

Карательные отряды норманнов неугодных, слишком говорливых, стоящих за старую веру, просто как зверушек рубят, а остальных загоняют в дом, всех: стариков, женщин, детишек – и, смеясь, сжигают. Так вот два таких отряда сами княжеские дружинники тайно от князя казнили извергов, хоть и приняли новую веру. Есть сведения, они хотят привести всех пленников, т. е. старых жрецов и Аслябия, сюда, да, да, сюда, и показательно казнить, сжечь всех. Этим поступком они покажут, что старые боги их не спасут, они слабы и ничто, миф, а вот этот Христос какой сильный и могучий. Князь сюда пошлёт норманнов, их около 50–60 воинов, неплохих воинов.

Они сюда стонят всех жителей Сторожевого и здесь вырежут всех жителей. Жители Сторожевого – главный источник вражды и помеха, так зачем оставлять... под корень и все дела, место наше дремучее, в лесу, всё в нём и останется. Чтобы, не дай бог, кто сбежит, пошлёт в обход 20–30 княжеских дружинников, наших местных, с попом для контроля.

Мы тогда с Лучезаром и Авдотьей план придумали, да и у нас годами отработывался план защиты капища, мы только немного подработали. Нас, меня не интересует защита капища, главное – попытаться спасти жителей Сторожевого,

спасти Аслябия и жрецов и как можно больше уничтожить пришлых, своих дружинников не тронуть. И последнее: нам нужна твоя помощь, или будешь сидеть здесь, давиться в злобе на ушедших богов, ждать своей и своих детей незавидной участи, или с нами?

Я почти всё сказал, твой выбор, кузнец, послушал бы Василису, она в курсе, тем более она вместо Авдотьи. Да... ты не был с народом на капище, сидишь как сыч, нет больше капища, нет его, боги разрушили его и ушли, одна МАРЕНА осталась нетронутая, ждёт, вот только кого, нас или норманнов.

Гром по привычке опёрся на посох жреца, смотрит.

– Гром... ты пришёл в мой дом, и я не давал тебе повода оскорблять меня. Знай, однако, моё отношение к убийцам детей и их прислужникам, – показывает на Громобоя, – у меня очень, очень агрессивное. Верить тебе или нет, не знаю, гладко, как всегда, говоришь. Я мирный человек, всегда один, работа у меня такая, хороводы не собираю, люди приходят, я им помогаю. А что в мире творится, у меня уши есть.

– Гост, я ни в коем случае к тебе не с оскорблением пришёл, а с нашими общими проблемами. Да, да, был жрецом, назначен им быть и остался. Я для людей служу им в первую очередь, но нет больше богов, ушли, покинули нас, для людей я вожак не старой веры, а старый воин. Придёт новая вера, все затавкам, как собачата неразумные. Ну что же...

разговор не получился, будь здоров, трудись, сиди в стороне.

И стал медленно подниматься.

– Сядь, Гром, – сказал Гост, как припечатал.

– Говоришь, резать нас хотят? – сказал так, что у Грома по спине мурашки ожили, это у старого воина.

Гром понял: разговор только начинается, обиды в сторону, на весах жизнь семьи, детей.

– У нас в ставке князя свои люди, когда тронутся, знать будем.

– Жители Сторожевого знают?

– Нет, зачем, вдруг очередной Богдан, люди – загадка, лучше внезапно.

– Тоже верно. Но вас очень мало и все старики, символическая охрана какая-то.

– Видишь ли, Гост, не в количестве и годах дело, а в воинском умении, быть умнее и тактически грамотнее, когда-то мы все были в дружине князя, элитой. Это наша земля. Пращуры всё придумали века назад. Дорога, ведущая на капище, неширокая, только на троих рассчитана, дорога извилистая и вьётся через лес, заметил, не прямая. Лес под нашим контролем, а если сунутся преследовать в лес, то там ловушек очень много, на любой вкус. Стража для того бродит по лесу, проверяет, в сохранности ли ловушки и сюрпризы, если что-то, приводят в надлежащий вид и состояние. Если что, в упор из луков сразу двадцать положим, махать копьями и

мечами не будем, сам знаешь, староваты мы, но охотники отменные. Мы дадим им пройти до капища, они, выходя на площадку перед капищем, будут растягиваться в шеренгу, не более десяти человек, так учат. Вид капища приведёт их в недоумение, думаю, сильно расслабятся. На капище разруха, запустение, они не нашли жителей Сторожевого, будут совещаться, что делать. Из-за столбов божеств быстро выходят девы стражи МАРЕНЫ, их двенадцать, стреляют прицельно дважды и тут же скрываются в лесу, отходя, прикрывают друг друга. Дорожка обозначена для ухода дев, их уход закрывают столбы. Возможно, 24 воина должны лечь в траву, тут же сзади и из леса дважды стреляют наши дедочки. Укрытие – стволы деревьев, и затихли, быть готовы к продолжению, в суматохе в этот момент узники под минимальным вниманием, убираем охрану, Аслябий и жрецы уходят в лес. По нашим предположениям, до 50–60 воинов выводим из строя, но это на словах, в планах расчёт на внезапность и наше мастерство. Когда они встанут в коробочку, мы их не возьмём, если будем пытаться, потеряем время, а времени у нас нет. Сюда могут подоспеть порядка тридцати дружинников князя, чтобы перекрыть дорогу для бегства.

Так что на всю операцию у нас около часа, может, чуть больше. А для коробочки наши старички придумали интересную задумку. Они собрали очень много змей, разных и ядовитых, количество главное, и не в яде дело. Забрасываем кувшины в коробку, они разбиваются о щиты, и наши по-

сланцы, шипя, расползаются. С каждой стороны дороги закреплены большие брёвна, они работают как маятник, но это в запасе.

Для воина, видевшего смерть друзей, и змеи шипящие, они не знают местных змей, для них все ядовитые, страх перед рептилиями – серьёзная опасность под ногами и на теле. Мы ждём, коробка будет ломаться, в открывшуюся брешь стреляем, выбиваем норманнов.

– Знаешь, Гром, всё – а если, возможно, они не такие, нет времени. Ну и что ты ко мне пришёл, не пойму. Я не стрелок, сам знаешь, учил меня. Я ратный боец.

– На что ты способен, я знаю. Ты, можно сказать, по моим расчётам, если ты согласишься, на главную миссию. Я говорил, для того чтобы наша миссия была успешна, нам надо время. Пойдёшь один, встретишь дружинников и удержишь их, как... надо подумать. Один против тридцати дружинников – для тебя многовато. Ни один дружинник не должен пострадать, только любой насильник и зверь на двух ногах должен уйти на свидание к МАРЕНЕ.

– Василиса пойдёт со мной?

– Нет... она руководит стражей МАРЕНЫ вместо Авдотьи. Я с тобой своих внучек, Лизовету и Авдотью, они хоть молоды, всего шестнадцать, но стрелки отменные, сам учил. Они в лесу за деревьями будут хорониться, если что, прикроют, успеешь уйти. Ваш сигнал неудачи нам передадут криком филина.

– Ну ты и сказанул, Гром, ты представляешь, как? Что может остановить движущую колонну воинов, идущих убивать своих? Я не верю, что они против приказа князя пойдут.

– В том-то и дело, что это они два карательных отряда с попами казнили за злодеяния. Они идут, но могут не торопиться, они не могут найти предлог замедлить движение. Надо им помочь замедлиться, ты будешь предлогом к остановке, хоть на какое-то время.

После бани Ефра отметила, что состояние у Млады почти восстановилось, только сильная слабость и в сон клонит. Это хороший признак, сон тоже лекарство, напоила взваром из кореньев, сдобренным мёдом, укутали в одеяло и отнесли в светёлку, пусть поспит. Это сейчас важно. Горошек хоть и постарше, но совсем, совсем тяжело ему, он всё хочет встать, что-то сказать хочет, но сил нет.

– Да, маленький наш, сильно тебе досталось.

Он часто впадал в забытье и что-то лопотал, а понять что так и не смогли. Его тоже укутали в тёплое одеяло, и Гост бережно отнёс.

Вот только с Перваком было непонятно, Ефра брала в ладонь худенькую руку и отмечала: пульс есть, сердечко работает, но Первак как неживой. Чудо, что жив остался, ведь такой чудовищной силы принял удар. Глаза откроет, жив, жив мальчик, и в них огонь где-то в глубине, и пить просит.

– Всё, всё для тебя, мой любимый, мой Первачок, – так шептала Василиса, сжимая его руку и как бы передавала

свою силу и любовь.

Ефра потихоньку проверяла, как реагируют тело и мышцы Первака, иногда хмурилась, мяла, массажировала, лицо иногда довольное, иногда хмурое, и тогда полчасу обливала водой и массажировала всё тело, как бы сгоняла всё от головы к ногам. И это дало результат, Первак ясно попросил пить и поёжился, как от холода. Ефра ему горячего взвара на меду, закутывали в одеяло, и Гост, любя, прижал к себе.

– Держись, держись, мой смелый мальчик, всё будет хорошо, мы с тобой.

Он отнёс его в дом.

Тем временем в ставке князя Святослава все карательные отряды сделали своё злое дело, исполнили все пожелания князя и попа Гамерчини. Привели силой и лютой смертью к новой вере. Они что задержались, зачистка была полная, уничтожали капища, святые места, записи пошли в «очистительный» огонь. Всем этим руководили новые попы, рьяно исполняли волю Гамерчини и князя. Осталось главное, так называемое капище, нигде старые боги не противились, не сопротивлялись, один пшик, так что с этим справимся. Проверенные воины пойдут, а княжеская дружина поучаствует в облаве, кого поймают, передадут норманнам.

Всё это обсуждалось спокойно, без эмоций и переживаний, как отмахнуться от назойливой мухи, прихлопнуть – и все дела. Князь своих за людей не считал в угоду приказу главного князя и новой веры. Самому бы не пострадать и

дальше править, а эти наплодятся.

Князь, воевода Ольберг и поп Гамерчини спокойно за утренним завтраком обсудили очередную операцию, назначили на следующий день, день благоприятный и богоугодный, так сказал Гамерчини. Одно они не учли: не все слуги были им преданы духом и телом. Об этом решении стало известно и Громобою, и в жёстком порядке всё население Сторожевого было эвакуировано, крупный и мелкий скот вывели на отдалённые выпасы. Затихло село, ошетинился лес, всё готово к кровавой встрече. Мирного исхода не будет.

Гостомысл погрузил в телегу отремонтированный инвентарь и свою приспособу и поехал в ставку князя. Вернее, в рощу перед ставкой, там притаился и ждёт, когда дружинники пройдут. Потом за ними, как бы к попу, а то в ставке никого нет и нет главного попа.

Гостомысл из рощи видел, как из ставки вышли два отряда, один большой, воинов на шестьдесят, может, больше, с телегами, в которых связанные узники, он опознал Аслябия, который гордо нёс свою перевязанную голову. Отряд весь был из норманнов, воевода в блестящих доспехах и главный поп с крестом на груди. Только двое были конные, воевода и поп Гамерчини, остальные пешие, в полном вооружении.

Была небольшая заминка, о чём-то старший поп второй группе воинов, т. е. княжеским дружинникам, что-то говорил. Последние наставления.

Дружина не спеша пошла по другой дороге вокруг леса,

дорога шла в деревушку Осипово, на полпути развилка на капище. Дорога на капище идёт через лес, узкая, извилистая тропа.

Гостомысл не спешил, он прикинул, когда тронуться, чтобы догнать у развилки. Это была важная точка встречи, там затаились Лизовета и Авдотья. Гостомысл хорошо рассчитал, и он догнал пеший отряд дружинников у развилки. Догоняя, он кричал:

– Подождите, подождите, я к вам за помощью, святой отец, помощи.

На крик обратили внимание, и колонна остановилась, приняли решение сделать кратковременный привал и послушать этого полоумного. Но у дружинников было удивление на лицах, когда они в этом растрёпанном, взъерошенном мужичке немалой комплекции узнали кузнеца Гостомысла. Они почти все пользовались его трудом: починить сбрую, доспехи, наточить меч, нож, да и по мелочам. Что случилось, что так изменился, опустился такой справный кузнец?

Полусотенный Матвей дал команду к привалу и расставить часовых, в боевом походе мало ли, время сложное.

Гостомысл сполз с телеги и мелкими шажочками к чёрному попу, и пал на колени перед попом, целует его руку и причитает:

– Святой отец, святой отец, помощи мне, я веру хочу новую принять, был в городище, там никого нет, добрые люди указали путь, и я здесь. Прими меня в своё лоно, маюсь я.

После того, что этот проклятый Перун с детишками сделал, убить их хотел, ирод. Я проклял его, я грозил ему, что уничтожу его проклятое капище.

– И чудо, чудо свершилось: капище разбито, богов этих старых прогнал я своей клятвой. Я знаю, вы можете принять в свою веру, крестите меня, я ваш.

Гостомысл стоял на коленях перед попом, и такой просящий, искренний взгляд и шёпот этого здорового мужика:

– Помогите мне, помогите мне!!!

Поп расправил плечи, возгордился, на него смотрели любопытные глаза дружинников. Поп знал: по сану не мог, но в исключительных случаях, как сейчас, он мог. И он по памяти возвёл свою длань над головой этого неказистого, как он думал, мужика. Взглядом окинул дружинников, и те поняли его, встали на колени, и поп приступил к чтению молитвы.

По обе стороны от него встали два норманна, два брата, крепкие ребята, они были его телохранителями. Вместе с ним они участвовали в карательных походах. Сам поп, служитель веры Христа, отличался своей жестокостью во время походов, за что был не единожды обласкан самим Гамерчини. К пятидесяти годам обзавёлся нехилым животиком и наглой, самоуверенной христианской рожей. Братишки стояли чутко напряжённые, руки на рукояти меча, готовые в любой момент лишить жизни того, кого поп крестит. Такой момент поп называл очистительной молитвой. Но сигнала не последовало, рядом дружинники князя, не норманны. За-

кончив молитву, поп Антонио снял свой крест, перекрестил им и надел на шею Гостомысла.

Гостомысл радостно поцеловал руки попу Антонио и сказал, что у него есть два бочонка напитка, правда, один с хмельным мёдом, зато второй сладкий, для детей, вёз в Остапово.

– Примите, искушайте, други мои, такой день, такой день для меня, святой день.

Поп Антонио был любитель побаловаться хмельным, и они все по чарке кто что выпили.

Гостомысл подошёл к Гордону, который полусотенный, и поделился с ним радостной вестью: он крещёный, и ХРИСТОС поможет ему и его детям.

И тихо:

– Ты, Гордон, не торопись в лесок заходить, плохо там будет, повремени, нет больше капища. Всё разбито, уничтожено, только МАРЕНА цела... ЖДЁТ.

Так прошло больше часа, может, два. Вот только предложенная медовуха и напиток для детей были заряжены настоящим сонной травы. Оно не валило в сон, а сильно затормаживало поступки, все стали неторопливые, неспешные, ослабленные.

Гостомысл:

– Извините, мои дорогие, мне пора в Остапово привести готовое и взять поломанное на ремонт.

Отец Антонио перекрестил его:

– Иди, сын мой.

И многозначительно посмотрел на братьев-норманнов, те кивнули, мол, поняли, а сам отвернулся и смотрит на дружинников.

Гостомысл сел на телегу и со словами:

– Зябка что-то мне.

И натянул овчину на плечи и на голову, его фигура стала почти квадратная. У всех в голове: кузнец воспрял, расправил плечи, обрёл веру, не спеша удалялся. Он отъехал метров на двадцать, братья-норманны разом вскинули луки, щёлкнула тетива, стрелы летели в цель. Но две другие, две смертельные стрелы уже нашли цель, пробили шею, и хрипящие норманны растянулись на земле, судорога смерти их корёжила.

Поп Антонио, не оборачиваясь и не видя, что произошло:

– Крест... Забе...

И рухнул на землю с двумя стрелами в горле.

А две стрелы, выпущенные братьями, вонзились в спину Гостомысла. Лошадки не спеша семенили по дороге, увозя вдаль пронзённое тело кузнеца.

Дружинники видели, как стреляли по приказу норманны, как они упали, следом ненавистный поп. Вот тут и задумался Гордой над последними словами миролюбивого, радостного отца детей, кузнеца Гостомысла.

Воевода по всем правилам окружил село Сторожевое, хотел отдать приказ к нападению, но что-то говорило ему: се-

ло неживое. Не слышно шума, лая собак, тишина. Что это? Махнул рукой, кольцо смыкалось, воины в селе выбивают двери, как обычно, нет никого. Кто-то предупредил, видно, что без спешки покидали свой дом, разбросанных вещей нет, всё аккуратно. Впечатление – на время отъехали, хотят вернуться.

«Ну, это уже я буду решать», – про себя подумал воевода.

Поп Гамерчини был в бешенстве, он предполагал, что будет сгонять на площадь всех, вой, крик о пощаде, плач детей, что для него такая приятная мелодия, мелодия усмирения во славу ХРИСТА. Вопрос: а был ли здесь ХРИСТОС или воспалённый мозг маньяков с крестом на груди? Банда маньяков с большим воображением делили территории для власти и сбора денежек, а людишки так, к территории прилагаются. По большому счёту, кто им позволил так вести, дал право решать судьбы людей? Всего лишь один, пришлый наёмник «князь Владимир». В своё время сколотил банду, т. е. дружину, таких же, как и он, искателей славы и денег. Удачливый в военном деле, жёсткий или миролюбивый, но тем временем ему всё удавалось совершить, что хотел. Нигде не проходил обучение, но его пытливый ум возвышал его над другими.

Чтобы успешно воевать, надо знать врага, его язык, их уклад жизни. В походах научился писать и читать, тогда этим владели единицы. Он в походах всех победил, что желала его буйная молодая головушка, всё имел. Любая дурь выполня-

лась. Истинно верил в старых богов, своё капище в стольном граде лелеял, поклонялся, с ними он вырос, с ними он в битвах был. И вот это случилось после очередного застолья, затяжного застолья, голова раскалывалась, и мысль в эту дурную, необразованную голову пришла.

«Я по своему величию сравнился со старыми богами, надо что-то новенькое придумать».

Под боком у него была говорливая мамаша и науськала его. Придумал, а сам не подумал, что за этим потянется. В самом граде Киеве эта вакханалия началась. Кто не понял его, его ли, замысел, тому уже поздно понимать.

Пригласили разных людишек разных вер, да за чаркой медовухи с серьёзной безграмотной духовной головой, покупка сапог, сарафана, утрирую, предлагают людишки, хваля свой товар. Людишки искренне верили в своих богов, искренне говорили про своих богов. А бог-то един, только лики его и названия разные. Очередь, когда дошла до чёрного с крестом, что он наговорил? Как преподнёс? Что вытащил из своего чёрного рукава – это тайна. Воспалённый мозг военного «гения» наконец-то принял решение.

«Креститься будем, это что-то новенькое, возвеличу себя, а моё имя в веках прославится – Владимир – креститель Славянских земель».

Никто не говорит, что он развязал войну, самую беспощадную из всех войн. При этом эксперименте земля славянская потеряла свою историю, идентичность и девять милли-

онов человеческих жизней. Главное, кто проводил это крещение. Пришлые князья со своими людьми, наёмниками и, как всегда, предателями, попы пришлые, старцев и волхвов уничтожали в первую очередь, уничтожались святые места, письмена, история Славян. Даже сама княгиня Ольга отдала распоряжение на уничтожение курганов, а людишки косточки с курганов тайно перехоранивали, берегли. Вот так это было. А самое главное, эту историю жизни описали не волхвы, а пришлые, которые задумали это, и это у них получилось. Никто из них не жил в Славянских землях, не впитал её в себя. Везде пришлые, вот так это и произошло. Так же они всё красиво, это действо, описали и заставили нас в это поверить.

Но очень странная вещь произошла: за десятилетия, столетия, тысячи лет пришлые ушли в мир иной, свои священники появились.

А вера ХРИСТА впитала дух Славянский, как бы сроднилась со старыми обычаями, только слегка изменив названия, и стала воистину святой верой для Славянского народа по сей день. А самая большая странность – весь поганый западный мир опять не признаёт веру Славянскую, веру в Христа в РОССИИ.

Всё войско воеводы, пока понимали, что село пусто, зло смотрели на приговорённых: вы-то здесь, вся наша «нежность» достанется вам.

Аслябий всё понял, Сторожевое готово к бою, расправил

плечи, но своим попутчикам ничего не сказал. Ошибиться не мог, сам подготовку когда-то провёл и внедрил, но...

Он всю дорогу пытался ослабить узлы и ослабил.

Злые воины построились в строй, охранение не выставлено, так, почти неорганизованной толпой, как у себя на родине, вроде как в строе пошли в сторону капища. Узкая дорожка, петляя в лесу, вела к капищу. Ветки вековых деревьев свисали, чуть не ласкали головы воинов. Воевода и поп сошли с коней, невозможно идти конным ходом. Они расхлябанно шли по лесной дорожке, где по двое, где по трое, не заморачивались. Пришлые деревенских за воинов не считали, так, на убой, а девки и бабы для удовольствия.

Как только они вошли в лес, их незримо сопровождала стража Сторожевого, ни одна ветка не колыхнулась, ни один сучок не треснул. По двенадцать охотников с каждой стороны дороги, даже Василис, преодолевая головную боль, был в строю, жизнь родных важнее, а к боли привыкаешь.

По мере приближения к капищу напряжение нарастало, кульминация схватки впереди, все знают, что делать, цели разобраны.

Тёмная, мрачная дорога, лучи солнца через листву не проникали, тишина... всё замерло.

Первые норманны ступили на площадку перед идолами, и какое было удивление: всё разбито, обожжено, полный погром, и они сгрудились кучей и стали обсуждать увиденное.

Раздался крик филина, и из-за столбов бесшумно появи-

лись непонятные фигуры, и резко щёлкнула тетива, двенадцать воинов начали валиться, тут же следующий залп, и эти маленькие воины в защитном камуфляже скрылись за разбитыми божествами. Куда делись – не понять, были и нет. С разных сторон летела безжалостная смерть. Воевода зычно заорал:

– В коробку!

Он понял, что смерть летит со всех сторон.

Справившись с замешательством, норманны встали в коробку. Небольшая группа прикрыла себя со всех сторон щитами, стояли и смотрели в щели между щитов, откуда ждать нападения. Но тишина, старые боги безмолвствовали, их нет, идола разбиты, только один столб, и на нём лик как бы злорадно улыбается. Норманны знакомы с идолами, они в ней узнали МАРЕНУ, смерть радовалась жертве.

Одновременно с девами стражи МАРЕНЫ были бесшумно убиты охранники, освобождены узники, и их сразу уводили, уносили в лес.

Всё затихло, прислушиваются, решают, как быть. Громобой понял: время есть, нет сигнала филина о провале миссии кузнеца. Одно... коробка как-то неудачно стоит, до отметки на дороге метров пять, и тогда можно запустить маятники. Ну что же, подвинем, и на дорогу вылетели два горящих горшка, они разбились у ног норманнов, прикрытых щитами. Невольно они попятились назад.

С двух сторон на головы норманнов полетели горшки со

змеями. Горшки разбились, и шипящее войско начало сверху скользить на головы, плечи, лицо, началась суматоха, и временно коробка распалась, что и ждали старые воины, стрелы нашли цель, их становилось меньше. В ход пошли маятники, тяжёлые брёвна с двух сторон ударили, сметая коробку, и старые воины просто расстреляли всех, кто побежал в сторону капища, но там их ждали девы. Битва закончилась, безжалостный конец, целыми остались воевода и поп.

Старые воины вышли из зарослей, на лицах маски, и деловито добили тех, кто жив, собирали оружие, доспехи, всё ценное, всё без звука, без единой команды.

Перед воеводой и попом появился воин в доспехах, это был Громобой, лицо тоже скрыто.

– Вы пришли в наши земли убивать невинных, неугодных вам, убивали и сжигали по вашим приказам, вот эти, – показывает на трупы норманнов. – Я оставляю вам жизнь, и не дай бог повторите свои ошибки, знайте, что вас ждёт. Раздевайтесь, в мир пришли голые, такими и пойдёте отсюда. Нет больше богов, ушли они, а ваши ещё хуже. Я сказал: раздевайтесь, чужеродные людишки, и князю передайте: мы не воюем, мы выполняем наказ древний – КТО С МЕЧОМ К НАМ ПРИДЁТ, ОТ МЕЧА И ПОГИБНЕТ. Мы подданные князя.

Воевода и поп всё с себя сняли, послышался крик филина. Громобой поднял руку, и все скрылись в лесу.

Гордон, провожая взглядом удаляющуюся фигуру кузне-

ца:

– За что, за что, что этот чистый человек сделал?

Кто-то хотел побегать, остановить, может, оказать помощь, но Гордон остановил. Приказ князя надо выполнять, приказал соорудить походные носилки и нести эти три трупа на капище. Пусть воевода и поп решат, что делать с этими телами.

Они, крадучись, вошли в лес, тропинка не прямая, что за поворотом – неизвестно. Они вышли на площадку перед капищем, вид капища поразил их: перед столбами с ликами валяются трупы норманнов без оружия и доспехов. Чуть дальше, на другой дороге, что вела из городища, виднелись две голые жирные фигуры и трупы, много трупов норманнов без оружия и доспехов, кольчуг.

Гордон подошёл, смотрит с усмешкой на этих голых, омерзительного вида, воеводу и попа, воевода безвольно опустил руки и мямлил:

– Я не смог, я не смог.

Поп шипящим голосом:

– Где шлЯлись, смерды, когда ваших братьев убивали? Я с вами, трусами, разберусь.

За спиной Гордона стояли суровые воины, по распоряжению и приказу этого были зверски убиты родственники, все они местные.

Гордон подошёл к воеводе:

– Ты думал здесь озолотиться, славу добыть, вот где твоя

слава.

И рубанул мечом, чуть не рассекая его пополам.

– А этого к столбам, он возжелал здесь устроить казнь.

Братья Гардона потащили попа, тот сопротивлялся, следом шла вся дружина к столбу с ликом МАРЕНЫ.

– Они казнили его у столба МАРЕНЫ, она тебя ждала, ты к ней торопился.

Дружинники все тела снесли к столбам, пусть лики бывших богов смотрят на них.

Место это проклятое, дружинники привели себя в должный вид и строем пошли в ставку князя. По прибытии в ставку полусотенный Гордон пошёл на доклад к князю. Князь хотел задать вопрос:

– А где воевода и Гамерчини, норманны?

Но вопрос застыл в горле. Беда... не беда, я-то жив, послушаю, что скажет Гордон.

Гордон спокойно, по порядку, без эмоций доводил до слуха князя, как развивались события.

– Мой отряд шёл скорым шагом по обходному пути, чтобы предотвратить побег, а кого задержим, передать норманнам, это было последнее распоряжение попа Гамерчини.

У развилки, которая ведёт на капище, у нас произошла небольшая заминка, нас нагнал кузнец Гостомысл, он со Сторожевого. Он просил попа Антонио крестить его, принять в святую веру ХРИСТА.

Поп Антонио дал нам команду на привал, и мы косвенно

участвовали в ритуале принятия веры ХРИСТА. По окончании поп Антонио снял свой крест, надел на шею кузнеца, перекрестил его и отпустил его в селение Остапово. Кузнец сел в телегу и поехал, попрощавшись с нами, у человека радость, он принял истинную веру. Мы не успели, поп дал команду двум своим телохранителям, и те из лука выстрелили в кузнеца. Две стрелы пронзили тело кузнеца, и ещё он им сказал: – Крест принесите.

Это были его последние слова.

Неизвестные стрелки из леса убили норманнов и попа Антонио. Мы искать в лесу не стали. Мы не стали преследовать кузнеца, чтобы оказать ему помощь, стрелы норманнов глубоко вошли. Мы соорудили походные носилки и скорым шагом пошли к месту встречи с воеводой, как велено.

У капища мы обнаружили убитых норманнов, воевода и поп казнены, но никаких следов нападающих, мы везде всё тщательно проверили, следов нет, кто это мог сделать, не знаю. Мы сложили все тела под разбитыми и сожжёнными столбами с ликами бывших богов. Капища больше нет. Только столб с ликом МАРЕНЫ не тронут, и нам всем показалось: она улыбается, проклятое, ужасное место. Мы оттуда не шли, а бежали и слышали ужасный хохот МАРЕНЫ.

В голове у князя: «Казнь хотел показательную, устроили тебе казнь, а... может, и к лучшему, норманны в моём княжестве всю грязную работу сделали. Типа, сделал дело – “гуляй” смело, свидетелей нет, у власти запрошу прислать попа,

наш уехал самовольно куда-то? А паства без поводыря. Силён Громобой, старики и калеки, правда, непростые, отборных вояк победить – это что-то. Прав был Афанасий. Место проклято, вот и пусть их тела там охраняют. А наёмников новых наберу. Но они были вооружены и натасканы на схватки, и нет следов».

– Их стрелами грамотно положили, кто был ранен и жив... зарезали. Следов нет, стрел нет. В лес мы не пошли, нас кузнец предупредил, что там очень опасно. Мы через Сторожевое шли, там никого нет, где они, или норманны их, мы не знаем, следов нет.

Немного задумался:

– Мы, говорят, духи злодеев и убийц наказали, нас не тронули, только этих пришлых.

– Ну иди, иди, я подумаю.

Гордон повернулся, пошёл, у двери:

– Князь, мой человек один разговор слышал между воеводой и попом.

– Поп очень вами был недоволен, они хотели вас убрать и во главе воеводу поставить, он мне это сказал, когда были в походе. Князь, не бери больше этих пришлых, у них веры нет, за золото... всё сделают, позволь набирать в ученическую дружину отроков и кто хочет...

– Я подумаю, подумаю, иди, – махнул рукой.

После того как услышали сигнал филина, все незамедлительно, не оставляя следов, скрылись в лесу. Громобой и Лу-

чезар уходили последними, они остановились в скрытном месте, где всё капище как на ладони. Наблюдали: появились дружинники с носилками. Трое в носилках, то ли раненые, то ли убитые, убитые, судя по тому, как носилки бросили на землю. Видели, как Гордон казнил воеводу, потом попа под ликом МАРЕНЫ. Зря, зря, мы же их оставили, не жалели их, а в назидание другим, и чтобы эти злодеи знали, что ждёт за зверства. Князь должен понять. Ну да ладно, нечего жалеть, дело сделано. Можно уходить, дозорные потом доложат.

К ним присоединились дедки, которые прикрывали отход. Первым делом Гром и Лучезар подошли к Аслябию:

– Как, друг?

– Нормально, буду жить с такой очаровательной знахаркой, до ста лет проживу, – показывает на девочку, на Ладу, которая осматривала и что-то говорила, Ефра слушала, соглашалась.

Гром:

– Ну что, дочка, всех на ноги поставишь?

Лада обернулась, смотрит на Грома синими глазами, со взрослым взглядом. Гром аж помотал головой, почудилось что-то.

– Да, дяденька, мы с бабушкой Ефрой постараемся.

И мило, по-детски, улыбнулась.

Гром глянул на Ефру, та пожала плечами и отошла, призывая Грома, тот подошёл.

– Гром, не удивляйся, мне порой самой не по себе, когда

она с больным, она видит все повреждения, она видит и знает столько, что я в затруднении. И это началось после удара молнии. Сдаётся мне, в неё вселился всемогущий и знающий, ты взгляд видел, мне порой страшно. Она имеет непонятную мне силу убеждения. Глянет, скажет – и всё, не хочешь, а делаешь. Это чудо, посланное богами, они ушли, но не все, своим даром они поделились с детьми Гостомысла и Василисы. Что могут Горошек и Первак, непонятно. Мы с Проску пришли к выводу: это знак свыше, они служат людям, узнаем со временем. Гром, оберегай её, нет, их всех, это наше будущее, наша надежда.

Гостомysl, получив благословение от попа Антонио, сел в телегу и не спеша стал удаляться, отъехал метров пять, он как бы накинул мохнатую овчину, сказал громко:

– Что-то знобит.

На самом деле овчина была непроста, она надета на деревянный толстый щит, снаружи и внутри железные пластины. Это сооружение закрывало спину, голову и бока, приготовил это давно для защиты детей, а телега с двойным дном. Стрелы норманнов вонзились, для других, в спину, а на самом деле в деревянный щит, наконечники упёрлись в железо. Гост слегка нагнулся и так удалялся, за ним никто не погнался. Он не спеша удалялся и, как раньше решил, в Остапово, сдать готовое, взять оплату и другой ремонтный инвентарь. Задержал он солидно, так что свою миссию он выполнил. Выходит, и Громобой, получив время, сделал все дела.

Его не мучила совесть, что он едет по своим делам в Остапово, убедительные две стрелы говорили о выполненном договоре с Громобоем. В Остапово он, как всегда, задержался, вёл свои дела не спеша, отдал готовое, отремонтированное. Получил оплату, народ платил чем мог, обычно продуктами, шкурками, дичью. Взяв новые заказы, договорился о цене и дате изготовления, которое по нынешним временам – как придётся.

Он поехал в родной дом другой дорогой, которая длиннее и проходит через соседнее княжество, место беспокойное. Возвращаться по своей дороге втроене опаснее, как всё прошло – неизвестно.

Гост в пути четыре дня, лошадка не спеша трусила, каждые четыре часа отдых нужен лошадке. На ночь ныряли в рощу или в лес до утра, сон вполуха. С утра выехали на нехороший отрезок пути, он проходил по степи, на кромке горизонта видна тёмная полоска леса, притягательного, спасительного леса. На этом отрезке всегда кто-то шалил, не под прикрытием леса, а здесь. Обзор очень хороший, путь на полдня скорой трусцой. Полпути позади, явственно виден долгожданный лес. Но радоваться рано, из глубины степи на него неслись пять всадников. Гост поднял овчину, пододвинул поближе посох.

Шум нарастал, кавалькада приближалась, характерные удары стрел об овчину говорили, что на кону жизнь. Один очень шустрый всадник подскочил, хотел наотмашь руба-

нуть кривой саблей. Значит, кочевники. Не смог он этого сделать, его голова повстречалась с оголовьем посоха, и с разворота молниеносно ударил другого в грудь, нетерпеливого, с другой стороны телеги, тот вылетел из седла под копыта другого наездника. Соскочив с телеги, Гост оказался посередине группы всадников. Лошадок жалко, но своя жизнь дороже.

Ударил по ногам лошадок, те начали падать, и посох прошёлся ещё по двум соискателям счастья. Пятому досталось по плечу, чтобы не махал сабелькой. Гост спокойно выбрал самого целого, и это оказался упрямый, горластый «старичок», мужичок в годах. Связал его, бросил в телегу, целых лошадок поймал и привязал к телеге, в хозяйстве пригодятся. Проверил мешки, ценное забрал, собрал оружие, ножи, нагайки. Кто валялся, не стал убивать, просто переломал им ноги, покалеченных лошадок пожалел, проломил им головы, зверь придёт, всё зачистит. Сел в телегу и потрусил в желанный лес. Нельзя просто так обижать слабого путника в пути, по дороге домой к любимым детям и жёнушке.

Млада совсем поправилась, Горошек тоже стал лучше себя чувствовать, осваивал местные окрестности вместе с Перваком. Первак был слаб, но приходил в себя, у него кое-что получалось, но он скрывал это ото всех. Он пугался и изумлялся, когда у него на пальцах появлялся огонь или видимость огня.

Всё селение Сторожевого жило в пещерах, их было три на

разных уровнях. Обнаружить и найти постороннему крайне трудно, тайный ход, который под постоянной охраной, в случае чего просто ход задвинется или опустится толстая решётка, снаружи не открыть.

Горошек и Первак шли к горной речке, и Горошек почувствовал, как стон:

– Помогите, помогите.

Он шёл на стон и увидел громадную медведицу, у которой красный коготь, в спине торчали три стрелы и в груди, у сердца, одна.

Первак:

– Горошек, беги за Младой.

– Нет, братан, ты беги, я посторожу, вдруг что принести. Ты сильнее.

Через полчаса Первак и Млада, запыхавшиеся, прибежали.

Млада развела руки:

– Ну что ты, Красная, так неосторожно, тихо, тихо, я посмотрю.

Осмотрела ладошками стрелу, что у сердца.

– УФФ, как хорошо, братик, помоги.

Она раздвигала пальчиками рану, а Первак осторожно раскачивал и тянул вверх, пытаясь вытянуть. Стрела пошла, не застряла, странное жало, как лист, без зазубрин, глубоко входит, режет органы, не наша стрела. Млада раздвинула рану, протёрла сухой тряпицей, обмыла своим специальным

раствором и попросила Первака:

– Вот здесь надо прижечь всё, чтобы заразу убить.

Первак не поверил, но Млада знает.

– Давай, давай, не стесняйся, я давно знаю.

И Первак начал прижигать, где говорила Млада. После Млада замазала заживляющей мазью, которую сама сделала вместе с Ефрой, закончив с грудью, перешла на спину. Здесь посложнее: два лепестка стрелы застряли в кости, а третья рядом с позвоночником. Сделав пошире разрез, Млада велела Перваку прижечь, указала где, промыла, и Первак, чуть качая, пытался вытащить.

– По миллиметру, по миллиметру, не раскачивая сильно. Сдвинули лепесток.

Млада:

– Стой, посмотрю.

И опять ладошки легли вокруг стрелы. Ладошки слегка засветились, и от них как бы искорки уходили в тело Красной. Она таким путём смотрела, как сидит стрела, что повреждено, и в то же время своими малыми силами оздоравливала, лечила повреждённое место. Внутренних сил у маленькой девочки немного, но процесс заживления шёл. А что будет, когда повзрослеет?

Первак осторожно вытащил стрелу, Лада обработала рану, замазала мазью.

– Ну, самую опасную одолели, и с этими справимся, только нужны руки посильнее. Горошек, позови того дяденьку,

что за тем кустом за нами наблюдает.

Горошек подошёл к кустам, спокойно:

– Не надо прятаться, дедушка, нам нужна ваша помощь. Не бойтесь, она вас не тронет, она пришла за помощью, плохо ей.

Дедок, осторожно ступая, хоронясь, подошёл к громадной медведице и смотрит на Младу.

– Стрелы застряли в кости, у нас сил маловато, надо чуток, нежно, из стороны в сторону раскачать и потихоньку тянуть вверх, а я буду вам помогать.

Старый воин знал, что делать, а Млада положила свои ладошки вокруг стрелы.

– Ну, начинаем.

Старый воин много чего видел на своём веку, но, когда увидел, как ладошки Млады заискрились, стало не по себе, жутко и страшно, колдовство какое-то.

Спокойный, жёсткий голос Млады:

– Осторожно, осторожно, не останавливайтесь.

Стрела поддалась, и они вытащили, Лада обработала рану и приступили ко второй стреле. Когда со второй стрелой закончили, Млада попросила дедушку:

– Вы не смогли бы принести воду вместе с Перваком и немного мяса, Красная много потеряла крови.

Дедок крикнул и посеменил в пещеру за мясом и ёмкостью для воды, с ним шёл Первак. Обрато возвращались чуть ли не с делегацией, Лучезар и два вооружённых воина

сопровождали деда и Первака.

Млада увидела, встала и тихим голосом:

– Остановитесь и дальше не ходите, не надо, мы напомним, накормим и пойдём домой, Красная будет спать, она под присмотром Большого будет.

Лучезар не понял, и тогда Млада жёстко:

– Идите домой.

А её синие глаза сверкали. Лучезар и воины остановились, повернулись и пошли деревянной походкой домой. У деда от удивления из рук всё выпало. Млада на него посмотрела, тот схватил бурдюки и побежал к ручью. Первак положил солидный кусок мяса перед Красной, Млада провела ладошкой по голове Красной, та очнулась, смотрит. Она жадно проглотила мясо, вдоволь напилась, лежит, смотрит.

Млада:

– Лежи, жди, придём, тебе будет лучше, мы пошли.

По приказу Громобоя всё взрослое население Сторожевого знали: надо оберегать детей Василисы, так сказала Прокла. И за детьми установили негласное наблюдение, охрану. Только дети этого не понимали, и, когда играли, всякое случалось. Среди детей верховодила девочка лет 12–13, Клавка, разбитная, всеми верховодила, а что не по ней, могла и руки распустить. Как-то произошла словесная ссора между ней и Младой, и Клава отвесила оплеуху, от обиды, не от боли, у Млады выступили слезинки. Клава хотела ещё раз шлёпнуть, но её руку перехватил дедок и увёл Клавку поговорить в уго-

лок.

– Девочка, говорю один раз, не смей так делать, в следующий раз выпорю, ты поняла?

Клавка сначала испугалась, но потом:

– Дед, мы игрались, она... я и...

– Я тебя предупредил!

– Я папе пожалуюсь, что ты мне больно сделал, рука болит.

– Папе скажешь, тебя Ерофей предупредил, – спокойно, назидательно сказал. – И ещё старых людей уважать надо, я твоему отцу передам, плохо тебя воспитывает, очень плохо.

Отпустил Клаву и ушёл.

Ерофей передал отцу Клавы о его упущении в воспитании, и тот в этот же вечер дознался у Клавы, в чём дело. Узнал, что его дочь ударила Младу ни за что, он её выпорол.

Клава клялась, что так не будет поступать, но в себе затаила злость на эту недотрогу.

«Я среди детей главная».

Как-то в одной из игр она тайно подставила подножку и сильно толкнула, Млада упала и сильно ударилась, вокруг дети не поняли и весело рассмеялись над падением Лады. Клава громче всех смеялась.

Откуда-то появился дедок, цепко взял руку Клавы и повёл силой в кусты. Остановился:

– Тебя предупреждал Ерофей, отец, не поняла.

И он жёстко выпорол Клаву. С тех пор Млада перестала

играть с ребятами, у неё своя компания – два брата.

Клава прибежала домой вся в слезах, мать её пожалела, вечером пришёл отец, глянул на жену и дочь. Позвал дочь в коридор:

– Тебе непонятно, бестолочь, тебе взрослые люди говорят, что за тупость, но я тебя вылечу.

И добавил от души плёткой.

– Завтра пойдёшь в конюшню наводить чистоту, месяц будешь выгребать дерьмо за лошадами, вечером проверять буду, не будет чисто... буду пороть, если ума нет, бестолочь. А ты, моя милая, молчи, сами виноваты, что из неё дурь прёт, может, это поможет.

Гост тайными тропами не спеша пробирался в горные места, где должны быть жители Сторожевого, если всё удачно прошло. Его остановила стража на подходе.

Удивлённый возглас:

– Гост... это ты, да не может быть.

– Я, братцы, я, вот и добрался, у вас как?

– Мы в пещерах, ждём, когда всё успокоится, когда князь знак даст, да не очень ему верим, ждём.

– Как мои?

– Они со всеми, дети у тебя золотые, одна Млада чего стоит, говорят, великой знахаркой будет.

– Спасибо, спасибо, а то я переживал, что да как. Домой к своим скорее. Я тут для Грома гостинец припас.

И из-под вороха тряпок вытащил степняка.

– Надо его поспросить, пусть этим Гром займётся. Я ничего из его воплей не понимаю.

Стражники серьёзно глянули, на голову надели мешок, чтобы дорогу не запомнил, сопровождали Госта до пещер.

Его встретил сам Гром, протянул руку:

– Ну, будь здоров, тебя нет и... а внушки такого наговорили, что тебя норманны двумя стрелами подстрелили. Ну, прям гора с плеч.

– Так стрелы вон торчат, две норманнов и три степняков. Я тут одного прихватил, ты бы его спросил, что им здесь надо, я не понимаю его язык.

Гост увидел Василису, которая бежала к нему, и своих любимых детишек. Встреча была очень жаркая, они стояли, обнявшись, в сборе вся семья, любимые сердца встретились.

Гром вытянул кляп изо рта степняка, и тот что-то зло кричал, хрипел, плевался.

Горошек отстранился, прислушался:

– Пап, он нам говорит... всех, говорит, убьёт.

– Ты что, сынок, его разумеешь?

– Сам не пойму как, но я его понимаю.

Они подошли к Грому.

– Гром, мой малой его понимает.

И тут Горошек заговорил на тарабарском языке. Степняк застыл и смотрит на мальчика и в его глаза. На него смотрели недетские, жёсткие синие глаза взрослого, и говор неуверенный становился всё увереннее. Шёл жёсткий допрос, степ-

няк стушевался и испуганно заговорил.

Он Аепа, родственник хана Тугорина.

В степи хан Тугорин собирает орду, голодно стало, добыча нужна, чтобы сплотить кипчаков. Скоро, очень скоро мощь и сила хана Тугорина обрушится на вас.

– Меня отпустите, может, потом я вас не трону, будете моими людишками.

– Рабами... что ли?

– Ну, не совсем, но это лучше, чем смерть!

Горошек всё это перевёл Грому.

– Ну ты даёшь, силён, откуда ты знаешь?

– Не знаю я.

– Спроси этого, чем он может доказать, что родственник хана, как его.

– Тугорина.

– Да, да, этого Тугорина.

– Меня все знают, моя сумка у этого буйного, там.

– Проверим, посидишь под замком, непрошенный гость.

Переведи: его жизнь в его руках, если что...

Тем более родственник самого хана на большой дороге в грабителях не ходит.

– Мы были в поиске и дознании, возвращались и тут решились пощекотать нервы, вот и... я здесь.

– В тёмную его, глаз не спускать, потом решим, что делать, а ты думай, что ещё расскажешь нам. Гост, ты иди, тебя семья ждёт, вечером поговорим.

С телеги Гост с сыновьями разгрузили телегу, лошадок степняков и свою отвели в общую конюшню, в которой трудилась Клава. Клава увидела ещё четверых лошадей, аж побелела от злости, выть хотелось, но боязно, выпорют, подожду, моё время придёт.

Василиса провела своего любимого в их место, это в глубине пещеры, там им отвели место, тепло, воздух чистый и недалеко протекал ручей с чистой водой. Здесь они до вечера провели в разговорах, пока Василиса готовила дичь. Гост ей рассказал всё без утайки, даже похвастался, что перед «смертью» стал христианином и показал крест Антонию:

– Теперь он мой, – грустным голосом сказал.

Под вечер собрались Гром, Лучезар, Аслябий, Василиса и Гост. Первым начал Гром:

– Спасибо тебе, Гост, что подарил нам такое нужное время, мы всех сохранили и задуманное выполнили. Правда, сидим здесь, ждём, что предпримет князь, дружина сюда не пойдёт, у меня достоверные сведения, да и князь колеблется. И что странно, Гост привёз сюда кочевника за разбой. Степняк сказал, что он родственник самого хана Тугарина... тогда кто он? Обронил он слова: «Ходил в разведку», для чего? Это мы у него спросим. И в то же время у князя находится посольство от степняков. Когда-то в юные годы я хаживал к ним в «гости» с мечом, они воины жёсткие, свирепые, но супротив нас слабее. Это как большая стая собак на медведя, тогда одолеет свора. Гост, ты шёл через соседнее кня-

жество, ничего от народа не слышал?

– В Остапово у них лавка, они торгуют, но тихо всё, вот только на дороге чересчур смело и нагло себя ведут. Чувствуют за собой большую силу. Я думаю, князю через Гордона надо сведения сообщить, нас не называя, и что есть пленник Аепа. И вот что мои сказали, что Красная, т. е. медведица, сюда пришла вся утыканная стрелами, стрелами, как у меня, стрелы степняков. Сюда добрались, надо усилить стражу с той стороны, пока князь в задумчивости. Бережёного бог бережёт.

Аслябий хмыкнул:

– Да... говоришь верно, а если попрут, нас маловато.

Лучезар:

– Все внутрь уйдём, понаблюдаем, подождём и в спину исподтишка бить будем. Сила на силу не пойдём, это самоубийство будет, задавят нас числом. Князь должен с соседями договориться, создать объединённое войско, привлекая таких, как мы, всё мужское население, вот тогда и посмотрим, кто кого.

Гром сказал как припечатал:

– Никому из нас в стан княжеский идти нельзя, пример Аслябия есть.

– Погодь, Гром, из нас никто не пойдёт, идёт с известием мой внук Корней, пойдёт только не один. Гост, позволь твоему среднему Горошку, да нет, надо им имена давать, пора по заслугам. Он языки знает, может, что и услышит. У Корнея

очень много друзей и есть где переждать, а Гардон, получив весточку, прикроет, норманнов и попов нет, но кто его знает, предатели всегда были.

Но на детей всегда редко обращали внимание, играют, кричат, просят, ревут, дерутся. Нам он там нужен для нашей безопасности.

Гост сидел нахмурившись, посмотрел на Василису. Василиса встала, подошла к Госту, обняла его голову.

– Знаешь, Го, я всё больше убеждаюсь: боги с нашими детьми, что они этим хотели показать, сказать, какое послание, это же чудо, что они живы и мы с тобой тоже. Я верю, ничего не случится, пусть послужит наш маленький воин Роду нашему. В богов я верю, в тебя, в нас тоже, они без нас и мы без них никто?

– Говоришь, послание богов. Корней там будет с ним?

– Не только Корней, вся его ватага, воинство наше меньшее и взрослое тоже.

– Хорошо... Гром, ты уже сам Горошку всё расскажешь, у тебя лучше получится, мне бы до кузни добраться, душу отвести.

– Рано ещё, Гост, рано, и мы заживём по-человечески, за домами и кузней присматривают. **ЛУЧЕЗАР, ПРОВЕРЬ ВСЁ, НАСТАВЛЕНИЕ ДАЙ** Корнею, что-то мне тревожно, чувствую, с ордой встретимся в смертельном бою. Всё одно к одному сходится, разведка Аепа, посольство, набеги, это всегда перед вторжением.

Аслябий руку поднял:

– Дай слово молвить, Гром. В наше время в разведку простаков не посылали, матёрые, жёсткие, умелые ходили. Я про нашего «простака», этого Аепа. Матёрый он, разведает здесь и сбежит, такие всегда начеку, роль простака играет, для дела кончить его надо... Поверьте моему бывшему опыту, может, Проску спросить. И ещё заменить всю его одежду, чтобы не было сюрпризов.

Так и сделали, степняк отговаривал, сопротивлялся, но ничего не делал, только словесно, трое вооружённых воинов зорко за ним следили. Да... сюрпризы были: на поясе цепочка с двумя смертоносными звёздочками, в руках метательные ножи.

Как и говорил, это очень опасный степняк, поджарый, мускулы как верёвки.

Аслябий воинам:

– Волосы проверь.

В волосах запутан маленький ножичек. Кто он – один большой вопрос?

Ноги жёстко стреножили, руки связали, но не жёстко, работать может, хлеб отрабатывать, определили на работу в конюшню, ему это ближе будет. Клавке помогать под присмотром одного воина, которые будут меняться каждые 6–8 часов. Работать степняк будет только в светлое время, остальное – в закрытом помещении.

Аслябий на такое решение высказал своё несогласие:

– Хищный зверь найдёт лазейку, уйдёт, гад, и это нам горем обернётся.

Гром его всё-таки убедил подождать возвращения Корнея и Горошка.

Аслябий проинструктировал Корнея и Горошка:

– Горошек, ты временно Гоша, и вы сыновья Остапа, моего брата, в селе Остапово. В телегу мы положим подарки и что-нибудь на продажу. Слушать и запоминать, считать, сколько чужих воинов, не лезть на глаза. Ну всё, в путь, поедете по дороге, что из Остапово в терем князя.

Млада вместе с Ефрой придумали новую обеззараживающую жидкость для обработки ран, колдовали у костра. Прибежал Большой, гавкнул, схватил за рукав и всем своим видом показал, что надо идти.

Лада сказала Ефре:

– Беда, надо бежать.

По пути позвала Первака, и они устремились за Большим, не забыв прихватить походную сумочку первой помощи. На том месте, где они оперировали Красную, пусто, никого, и Большой повёл их по следу. Следы вели к речке, на берегу они обнаружили пропажу: Красная жадно пила, недалеко от неё два повзрослевших медвежонка. При виде людей они ошетинились и грозно зарычали и были готовы кинуться в драку, защищая мать. Но увидели Ладу и, почувствовав её запах, затихли. Красная повернулась и дружелюбно заурчала, рядом с ней лежал молодой кабанчик.

Млада смело подошла, Первак настороженно. Осмотрела раны, они кровоточили, сердито:

– Я же говорила лежать.

Она промыла раны, замазала мазью.

– Всё, пойдём, мы что могли сделали, прощайте, мальчики.

И помахала рукой.

Дедок, который поставлен для охраны Лады и детей Василисы, видел это: три свирепых медведя, два ребёнка и собака рядом, а он ничего не может сделать, руки дрожат, лук ходуном ходит, не может этого быть, это всё игра и причуды ВЕЛЕСА. Никто не поверит, если рассказать, скажут: брехун. Но как, как это возможно, без богов здесь не обошлось.

Проснувшись с тяжёлой головой, наскоро умывшись, схватила кусок хлеба и понуро пошла в конюшню. Идти недалеко, в голове крутятся злые мысли, и всё это из-за этой мелюзги, недотрога, да я чуть-чуть, а меня...

С содроганием вспоминает второй день, она весь день убирала, вычищала стойла от их помёта, где-то не досмотрела, но сама подумала: «А потом, завтра». Но оказалось, зря так подумала, отец пришёл, проверил всю конюшню, мрачно позвал её, провёл по всей конюшне, указал на недоделки, на неряшливую работу, на грязь и жёстко предупредил, чтобы впредь этого не было.

– Накажу.

Ударил плёткой по сапогу, повернулся и ушёл.

Внутри всё кипело, но делать нечего, и она приступила к чёрной работе. Не покладая рук, она чистила, мыла, выносила дерьмо и старую солому. Злость помогала ей и в то же время мешала, по несколько раз делала одно и то же. Псих не помогал, пнув в очередной раз корыто, оно опрокинулось, содержимое на пол, а пол был вычищен, она села на пол и заплакала.

– За что, за что, ещё целый месяц, ненавижу-у-у.

Вытерев кулаком слёзы, успокоилась и стала работать более спокойно. К вечеру она не успела убрать всю конюшню, пришёл отец, проверил и недовольный указал пальцем на лавку. Клава поняла жест.

– Папа, папа, я же старалась, но не успела, я всё сделаю, я всё сделаю.

Жест отца говорил обо всём. Она обречённо легла на лавку, задрала платье. Воспитательный урок прошёл жёстко, пять ударов плётки – очень больно.

– В следующий раз за безрукость удвою.

И ушёл.

Клава поняла, что поблажки не будет.

А получать плёткой и испытывать сильную боль, отец проверил, ох, как не хочется. На следующий день, сцепив зубы и выкинув всё из головы, она с утроенной силой, не по-детски, исполняла роль уборщицы. К вечеру конюшня преобразилась, но не блистала, отец проверил, не сказал ни слова, ушёл.

Клава, закончив работу, пришла домой и рухнула в постель. Мать укоризненно качала головой, она видела и понимала, но... отец был вправде. А Клава действительно отбилась от рук, ей всё прощалось, единственное дитя. Они с мужем её действительно очень любили, но вот упустили в воспитании, переходный сложный период, не поздно ли наверстать упущенное. Может, Клава и поймёт, она у нас умненькая девочка.

Утром Клава прошла всю конюшню, где нужно убрать – убрала, она поняла: один раз навела порядок, потом легче, только поддерживать.

Для девочки это очень тяжёлый труд, которому нет конца, вернее, есть: продержаться в этой каторжной работе месяц, только месяц. И каждое утро, сцепив зубы, она считывала дни. Она тащила из дальнего стойла мусор и... лошадиное, у входа она увидела, что к конюшне подводили ещё четырёх лошадей, три какие-то низкорослые, четвёртая рослая.

Воин, который привёл лошадей:

– Куда их, молодуха, я проведу, а то эти чересчур норовистые, не наши, но привыкнут.

Клава застыла в оцепенении, в голове: это ещё и от этих говно убирать, она смотрела, зло лилось из глаз, но кнут, проклятый кнут. И она пошла вглубь конюшни, махнув рукой. Воин завёл лошадей в стойла.

Клава от бессильной злобы облокотилась о столб и так скользнула на землю, горько заплакала.

Воин опешил, подошёл, гладит по голове:

– Ты что, дочка, что случилось?

Рыдая и всхлипывая, Клава:

– М-мне о-о-очень тяжело, я нее спрваля-я-яюсь. Я о-о-одна.

– Девочка, будет у тебя помощник, будет, я знаю, что эта работа и взрослому тяжела, но помощник будет, может, даже и сегодня. Ты успокойся, дева, всё наладится, ну, я пошёл.

Он ушёл, тишина, только слышно пофыркивание, перестук копыт, обычная, да нет, для неё нет. Одна она, поняла, будет помощник и на один день меньше. Она ушла вглубь конюшни, напоить водой и... убрать, если. К новым лошадям, надо их накормить.

Хан Аепа был четвёртым в семействе Тугорканов, с малолетства всегда был в тени, на десятых ролях, в отношении своих успешных взрослых братьев. И он всеми силами старался заполучить, захватить кусочек власти. У него был хороший тренер, наставник, который закалял его тело и волю. Для него этот старик был самый близкий человек, ближе и дороже, чем мать, отец и братья, которые на него не обращали внимания. Жёсткие тренировки, постоянные тренировки тела и разума не к развлечению, а к борьбе.

Когда ему было двадцать, его братья ушли в мир иной, старший брат Тугоркан стал правителем, Ханом, жёстким ханом, а его помощником и во всех тайных делах был Аепа. Со временем под его начало стала служба охраны Хана,

разведка и контрразведка. Он был тенью своего брата, смертельно опасной тенью.

У него была одна-единственная наложница из славян, он сносно говорил на языке славян, язык врага надо знать. После очередной вылазки он сам вёл своих бойцов, спешили домой и чёрт попутал на единственного путника. Решил проверить своих молодцов на свежую кровь. Он, матёрый волк, так и не понял, как и что произошло, их пятерых лучших воинов положил одинокий простолюдин, а сам он с кляпом во рту уложен в телегу. Он видел, как этот страшной силы человек безжалостно переломил ноги воинам, не убил их, а обрёк на страшные муки, дикий зверь закончит вместо него, и лошадам проломил черепа.

«Выживу... я тебя достану. Я всё вспомню и тебе отдам сполна, я, Аепа, обещаю, даю себе слово, а я всегда исполняю, если клянусь».

Но как? Всего несколько минут хладнокровной драки, всё, как учил наставник. Такого позора он себе не простит, только кровью. На данный момент выживать надо любой ценой и найти лазейку для побега. Небольшого росточка, щуплый, он прикинулся простым воином, степняком. Но всё-таки пришлось сказать, кто он, чудо какое-то, боль в груди от удара дубиной сняла девочка, она прикоснулась ладошками, пошли искры, и боль утихла. И он узнал, что он будет под присмотром воина себе зарабатывать на еду в конюшне.

Появилась надежда, там его боевой конь Буран, правда,

есть незначительная рана, и он прихрамывает. Есть на чём, а остальное надо присмотреть в конюшне. Он смиренно опустил голову, показал своё повиновение, смирение. Это азбука разведчика.

Клава обречённо принялась таскать корм для лошадок, натаскала воды, хорошо, что недалеко, в самой пещере свой ручей. Она подошла к низкорослой лошадке, такая диковинная, для женщин, что ли, лошадка, погладила её, и палец за что-то зацепился. Она отдёрнула руку, лошадка вздрогнула, и Клава увидела, что это обломок стрелы. Доложить надо, иначе беда, и она пошла на выход.

У входа она встретилась с группой из двух воинов и небольшого роста мужчиной, у которого ноги и руки в путах. Она первый раз видит кипчака, удивилась и воинам сказала:

– Доложите Аслябию или Лучезару, что маленькая лошадка ранена, у него стрела торчит, нужен знахарь, иначе беда.

Аепа удивлённо посмотрел на деву, ей 13–15 лет, рослая, начала формироваться, даже заметно, лицо неумытое, но видно, что красотой будет блистать со временем. Зачем она здесь, кто распорядился, за какую провинность – в голове у Аепы. Злое, неулыбчивое лицо.

– Дева, тебе тут помощничка прислали, так что запрягай в работу, будет работать с утра и до вечера, за ним мы будем присматривать, так старший решил.

– Как тебя звать, чужой человек?

Аепа, семеня, подошёл, посмотрел ей в глаза, склонил го-

лову в знак уважения и подчинения:

– Хан Аепа, госпожа, по-вашему – князь. Но мне радостно облегчить твой труд, красавица.

Клава опешила, произнесено на её родном языке с уважением и достоинством.

– Ха, Хан, как так можно?

И показывает на руки и ноги.

– Увы, как видишь, не одна ты, госпожа, наказана, сдаётся, жизнь моя решается не в мою пользу. Это уже произошло, позволь тебе помочь, жду вашего распоряжения, госпожа.

От такого обращения ей не по себе, Хан, Князь ей подчиняется.

– Пойдём, лошадку вашу покажу.

Они прошли до стойла раненой лошадки, стражник изда-лека наблюдал.

Они ещё не подошли, а раненая лошадка призывно заржала, била копытами. Аепа понял: это его боевой конь Буран, связанными руками обнял голову и своей головой прижался и шепчет что-то по-своему, лошадка успокоилась.

– Это мой боевой конь, мой старый друг, и ты в неволе.

Про себя: «Теперь вырвемся, мой друг, только надо потерпеть».

Он стал без приказа наводить порядок у степняков, это в крови. Клава молча наблюдала. Она видела встречу двух друзей. И какие приятные слова говорит: госпожа, красивая девушка, сам всё делает, ей никто не говорил, взрослые же-

натые, а мальцы не в счёт. Эх-х... она мечтательно закатила глазки.

Взрослый мужчина всё замечал, прокручивал в голове, надо действовать, приятные слова – бальзам на душу, нежное обращение – это путь к свободе.

За разговором и ласковыми словами у неё из головы выпала четвёртая лошадь, лошадь Гостомысла. Некормленная и необиженная стояла уныло в стойле, что и заметил отец, молча указал на лавку.

– Па, па, я не успела, я сейчас.

– На лавку, – зло сказал отец.

Она легла, задрала без стыда платье.

Аепа засеменил к лавке и успел перехватить нагайку связанными руками. Смотрит в глаза злого мужчины.

– Позволь мне принять наказание, это я виноват в невыполнении вашего указа.

Тот молча кивнул, Аепа поправил платье:

– Позволь мне, уступи мне место, прекрасная ханума, – сказал тихо.

Она услышала, смотрит на отца.

– Значит, это ты помощничек, место свободно.

Аепа лёг и принял десять ударов нагайки, удары принял молча, без эмоций.

Отец Клавы:

– Домой придёшь, когда лошадь кузнеца накормишь, напоишь и уберёшь здесь всё.

Клава вскинула свою своенравную головку:

– Домой не приду, здесь с лошадьми и заночую, маме скажешь, пусть не волнуется.

Отец хмыкнул и ушёл.

– Этот злой мужчина... твой отец?

– Да... ненавижу, ненавижу здесь всё!

И зарыдала.

– Госпожа... мой дом – твой дом, и никогда тебе не знать голода, вкуса хлеба, и не коснётся твоего тела нагайка. Наша свобода в твоих руках.

Стражник стоял в стороне и не слышал их тихого разговора.

В проёме показалась внушительная компания, и у Аепы ёкнуло сердечко, не успел.

Но увидел девочку, что облегчила его боль, успокоился. Млада услышала, что лошадка ранена, позвала бабушку Ефру и Первака, их сопровождали два воина.

Клава пошла кормить и обихаживать лошадь кузнеца. А Аепа показал, где у лошадки застряла стрела, вернее огрызок, он сам обломил стрелу.

Лада прижала ладошки, пальчики заискрились:

– Бабуля, сделай надрез, а то братик не возьмёт эту палочку.

Ефра аккуратно сделала надрез. Лада одну ладошку положила на голову лошадки. Аепа что-то говорил на своём, конь терпел боль, боевой конь прошёл много битв и к боли

приучен, терпел.

– Братик, ты взял палочку, пусти огонёк, пусть прижжётся, а то кровь идёт, и потихоньку тяни, не раскачивая, я помогу.

Две ладошки как бы усилили искры.

Аепа всё это видел и был в сильном удивлении. Мальчик стрелу тянул и стал прижигать, огонёк шёл из пальцев.

«Что это? Кто они? Дети колдунов или что это?»

Аепа не был религиозным фанатиком, верил, когда надо, его профессия это не позволяла делать, заниматься верой. Но это не поддаётся объяснению. Когда вернусь сюда, найду их и уговорю жить в моём ханстве без принуждения.

Лада закончила лечение, посмотрела на Аепу:

– Не болит.

– Нета, нета, спасибоко, спасибоко, моя друг.

И показал на лошадку.

– Всё заживёт, не переживай, дяденька.

– Спасибоко.

И кланяется в пояс, повернулся и засеменял в дальние ясли. Стал помогать, вернее:

– Класиале – ханум, уступи мне место, не порть свои ручки, я сам всё сделаю. Знай, мой дом – твой дом, нам уходить надо, срок пришёл, твоё решение, ханума.

– Я с тобой, ненавижу всё здесь.

– Тогда завтра и... а сегодня иди домой, узнай, не вернулся ли кто от князя, и прихвати чем... – показывает на свя-

занные руки.

– Хорошо, хан Аеп, я готова войти в твой дом.

Как легко вовремя задурить не имеющую жизненного опыта дурную головку девочки. Она не знала, в какие лапы попала, она лишь инструмент к свободе, и таких в нужный момент просто бросают по достижении цели, как ненужную вещь. И Клава кинулась в это с головой, расчётливо, повернёт ли она судьбу или...

Клава приняла решение, она не могла больше выносить унижения. В её головке всё выстроилось, она убежит вместе с ханом, её здесь никто не уважает. Она ненавидит здесь всё и всех. И, как обговорила с Аепом, она пришла домой очень поздно, только после того, как навели порядок в стойле лошади кузнеца, накормила, напоила и вычистила её. Зашла в дом и сразу в свой угол, сама думает, что с собой взять. Какие вещи в дорогу у девочки в 13 лет, что на ней – вот и всё богатство, да, да, ножик. Она встала и тихо прошла к месту, у которого сидела её мама, она горестно на неё смотрит с участием, не с осуждением.

– Мама, прости меня, я много поняла, но жить здесь больше не могу.

– Что ты, доченька, что на тебя нашло, это твой дом, ну, погорячился папаня, но всё же прошло, он не со зла. Доченька...

– Нет, мама... бить меня плёткой, как последнюю скотину... нет, ненавижу, уйду, уйду. Уйду к дальним родствен-

никам, буду работать, батрачить, прости, мама.

– Доченька моя, ты подумай, тебе ещё так мало лет, уйти из дома всегда успеешь. Не губи себя. А я как? Я тобой только и живу.

За разговором Клава незаметно взяла нож.

– Устала я, мама, я до утра прилягу.

– Может, покушаешь, а... дочурка?

– Устала я, мама, утром.

Поздно очень пришёл усталый глава семейства, он за стол:

– Устал я что-то, жёнушка.

– А чё это ты устал, спрашивается, устал пороть нашу кровинку, единственную дочь, герой какой нашёлся. Ты знаешь, что она мне заявила, уйдёт от нас, ненавидит она тебя. Этого добивался, девке всего 13 лет, возраст становления характера, а ты чего добился?

– Да ты что... Ты что, успокойся, моя дорогая, я же для пользы её же, понять должна, не со зла, для воспитания. Может, чуток переборщил, утром поговорю, не поймёт... дурь надо выбивать.

– Я тебе дам... выбивать вздумал, ты у меня спросил, ирод. Дождёмся, уйдёт дитя неразумное, пропадёт. У неё сейчас эмоции от твоих действий преобладают, мозги сейчас не работают, вспомни себя в её годы. Что ты натворил, один Перун знает.

– Ладно, мать, утром поговорю, накормишь али как?

– Да накормлю я тебя, накормлю, окаянный.

Клава легла и всё слышала, появилось ли сожаление – нет, она закусила удила. Детский максимализм. В голове у Клавы сладкие слова хана Аепа: «Ты красивая, и никогда тебя не ударят и не попрекнут куском хлеба».

Наступило утро, отец поучительно говорил про воспитание и как оно пригодится в жизни.

– Да, несколько жёстко с тобой вёл, но это для твоей пользы, будут у тебя дети, тогда и поймёшь.

Клава склонила голову, молча слушала, но не слышала. Подняла голову:

– Мне пора в конюшню к лошадам. Ваши уроки воспитания я запомнила, будет время – напомним. Спасибо, мама.

В конюшне встретилась взором с Аепом и указала в дальнее стойло, там она показала нож. Аепа нож спрятал и стал убирать.

– От князя известий нет?

– Нет, мои не знают.

– От меня далеко не отходи, как только нейтрализую охранника, уходим. Посмотрим, как мой Гром?

Гром радостно заржал, когда увидел Аепу, скалил зубы.

Аепа наклонился к нему и тихо-тихо:

– Сегодня и пойдём. Сегодня свобода или смерть.

Он ножом отрезал верёвки, стягивающие ноги, решил обрезать и освободить руки. Нож скользнул по верёвке, оголяя вплетённую цепочку.

– Ладно, ноги свободны, а с руками разберёмся.

Он сгрёб мусор и тащит по земле, чтобы не видны были ноги, семенил. За что-то зацепился, позвал охранника помочь дёрнуть, а то сил маловато.

Сегодня в охране Василис, здоровье поправилось, только мучили сильные головные боли. Он необдуманно подошёл, смотрит, а ему этот басурман показывает, что снизу надо дёрнуть.

Василис нагнулся, схватился за верёвку и тут же получил удар в темечко рукояткой ножа. Василис повалился, у Клавьи округлились глаза, чуть не закричала от неожиданности и страха.

Но Аепа показал пальцем у губ:

– Тихо, тихо, он жив, только в отключке, свяжу, чтобы не мешал, и в путь. Выводи моего Бурана, уздечка есть, седло отсутствует, для кочевника не помеха.

Аепа взлетел в седло, закинул Клавью сзади:

– Держись крепко.

И они вырвались из конюшни и прямо в лес. Иногда Клава говорила, где повернуть, и они всё дальше и дальше удалялись.

Аепа увидел, что из-за деревьев показались силуэты двух дозорных, которые подняли руки – знак остановки. Аепа прищипорил Грома и прохрипел:

– Ханум, держись.

Две фигуры стражников отпрыгнули в сторону и быстро выстрелили из лука на поражение. Краем глаза Аепа видел

в руках у стражников луки, значит, будут стрелять, спина прикрыта, эх... жаль будет, если...

Ветки низко свисали, и в это мгновение одна стрела чиркнула по виску слева, и одновременно Клава чуть дёрнула Аепу на себя, чтобы не упасть. И в это мгновение стрела, что чиркнула по виску Клавы, прошла по глазнице Аепа, от страшной боли Аепа чуть не выпал с Бурана, его удержала Клава, не соображая как. Мгновение, и смерть не отпраздновала победу. Аепа, старый воин, мгновенно понял: она его дважды спасла.

Буран нёсся по тропе, спасая хозяина, друга, боевой конь знал, что делать. Они скакали, и он отметил, что хватка Клавы ослабевала, и она стонала. Остановил Бурана, соскочил с коня, снял аккуратно Клаву, осмотрел её. У неё в боку стрела, место неопасное, только застряла в коже неглубоко, он вытащил стрелу, перевязал своей рубахой.

– Клауса-ханум, это не страшно, знаю, больно, потерпи.

Он посадил её впереди себя, обнял её, прижал к себе, она успокоилась, только изредка постанывала, и они поскакали к свободе, желанной свободе. Если будут ещё стражники, то бой будет смертельный. Сам Аепа перевязал пустую глазницу, глаз вытек, и они всё дальше и дальше удалялись.

Лес расступился – и степь, спасительная степь. Буран всё медленнее и медленнее и завалился на бок, весь выдохся, но вывел на долгожданную степь. Аепа уложил рядом Клаву, сам припал к голове Грома:

– Прости, прости, друг, терпи, терпи.

Их увидел степной разъезд, дальний патруль. Аепа, теряя сознание, командиру разъезда:

– В стан, и быстрее, если что с Клауси-ханум – сдеру шкуру с живых, и что с моим Бураном... посмотри-и-и.

Один кочевник ушёл вперёд за помощью, а остальные соорудили носилки и тихо поскакали в стан, страха за жизнь хана и ханум не было, пока не было. Когда прибыли, их осмотрели целители, всё, что необходимо, сделали, обмыли, нанесли целительные мази, время покажет.

Послана эстафета к хану Тугоркану, что хан Аепа нашёл-ся, весь раненый, но живой. Получив такую весть, сам великий хан Тугоркан со своей охраной в тысячу сабель тронулся в путь навстречу Аепу, с пропавшим братом.

Аепа быстро пришёл в себя, был вымыт и одет в простую удобную одежду. Все знали: он не любил богатую, непрактичную одежду, даже на приёмах в простой добротной национальной одежде. Пил кумыс и спрашивал, как его Клаусе-хе-ханум.

Клава в полубоморочном состоянии была приведена в должный вид, рана обработана, тело вымыто, умощено и одета в изящную женскую национальную одежду, причёска как у ханши, ест и пьёт из золота. Всё, что скажет, выполняется, рядом всегда старушка, которая переводит ей и учит её языку и поведению.

– Значит, здоровье её хорошее, даже язык учит, мда... мо-

лодец. Ну что же, вечером я её навещу, предупредите её.

Но встреча не состоялась, к нему прибыли его начальники отрядов, и он принимал доклады, ценные сведения стекались в одни руки, обстановка вырисовывалась очень перспективная для хана Тугоркана. А на следующий день прибыл хан Тугоркан с тысячью всадников. Чтобы попасть в эту тысячу, надо быть лучшим из лучших и быть беззаветно преданным Хану. Они все прошли через руки хана Аепа.

Тысяча мгновенно окружила кочевье, всё замерло, и хан Тугоркан вошёл в юрту Аепа, но впереди него трое воинов вошли, поклонились хозяевам, увидели хана Аепа, склонили голову, и вошёл хан Тугоркан. Все присутствующие – на колени, склонили головы, Аепа склонил голову в знак уважения.

Хан Тугоркан:

– Встаньте, воины, не люблю, мне надо с братом поговорить, если понадобится – пригласим, далеко не уходите.

Корней вместе с Гошей (Горошком) медленно въезжали в городок князя по дороге из Остапова. Впереди них шла колонна воинов из тридцати одного воина, воины в боевом одеянии, все в кольчугах, копья вертикально, со знамёнами.

Они шли конно за двумя каретами, одна очень богато украшена, вторая попроще. Корней отстал, наблюдает, слышался невнятный говор.

– Гоша, о чём говорят, разумеешь?

– Я не слышу, надо ближе, но это не степняки.

– Я и сам вижу, что не степняки, догонять не будем, в городке послушаем. Наверное, к князю, видишь, какие телеги дорогие, важные гости. Слышь, Гоша, от одних норманнов избавились, а тут другие. Мне сказали, ты все языки знаешь.

– Корней, я сам не знаю, как у меня получается их понимать и потом говорить по-ихнему, бабуля Проску говорит, у меня это после удара молнией, говорит, дар богов ушедших.

– Мне бы так, всех понимать... это здорово.

– Ты знаешь, как больно было, я умирал, бабушка Проску и Ефра меня спасли, боль жуткая, я бы не хотел через это ещё раз пройти.

Поёжился, как от холода, укрылся одеялом и затих.

– Слушай... а ты и зверей понимаешь, как мне нашептали?

– Не, я их как-то по-другому понимаю, я им в голове рисую, они мне – и всё понятно, так с Большим и медведицей, её Млада Красной называет. Забавно как-то, мне нравится.

– Я вот что думаю, коль мы сюда по заданию дедушки, я своих мальцов сильно озабочу, пусть покрутятся возле этих, ну а ты послушай, может, поймёшь. Да и своим скажу, чтобы тебя оберегали, а то деда мне все уши оторвёт.

Корней оставил телегу и лошадь под присмотром и отправился на встречу с Гордоном. Гоша стал бродить среди норманнов, здесь он чётко слышал их речь, и для него стало понятно, о чём они говорят. Они все были недовольны попом, который запретил им «просить» у местных золото, серебро,

меха, как обычно, грабежом. Нет у попа средств, но будут, потерпите, сколько можно, не выпить, не поесть, то ли дело до найма к этому, а обещал. И все разговоры сходились на одном: что-то обещали степняки, очень приличную награду за что-то. Об этом их главный поп с послом степняков должен договориться.

– Слушай, а что здесь эта мелкота трётся, может, нас понимает?

И на своём:

– Эй, мальчик, у тебя на плече жук страшный.

А Гоша не отреагировал.

– Всё тебе, Вилли, враги кажутся, безмозглый малый, брось, сейчас бы их медовухи.

Гоша ещё побыл немного около воинов, подошёл к каретам. Он видел: главный поп весь в пышном одеянии скрылся в тереме князя, а двое в чёрных рясах с крестом на груди лениво стояли и ждали.

Гоша подошёл:

– Дяденьки... а что это у вас? – показывает пальчиком на крест.

– Дитя, мы слуги Господа нашего, иди, мы молимся.

Было сказано без акцента, наши, что ли.

– Ты беги к мамке.

– Нет у меня мамки, её вот такие, – показывает на них, – убили.

Поп перекрестил Гошу:

– Бог всё видит, поможет тебе, иди с богом.

И второму:

– Слышь, Ерофей, тут эти до нас таких бед наворотили, что сами сгинули вместе с наместником. Место нехорошее, если такие детишки зло помнят. Нехорошее место для нашей службы.

Гоша пошёл в сторону нескольких воинов-степняков, которые вольно, нагло, как хозяева, себя вели. Задирали девок, что работали в тереме князя, весело ржали, громко говорили, хозяева жизни. Видно, что очень матёрые воины.

Один другому:

– Масалак, ты когда-нибудь с такими сабли скрещивал?

– Не довелось, но видно, что сильные и мощные воины, посмотри, почти все в броне.

– Ты прав... мне довелось, жаркая была встреча, но мы договорились.

– Разве в битве можно договориться?

– Можно, Масалак, можно, если золото есть. Эти наёмники воюют за золото, кто больше даст, одним словом, нечистые, продажные. Славян за золото не купишь, я имею в виду воинов, простой народ, но их князей можно склонить в ту или иную сторону. По этому вопросу мы здесь, наш посол уж очень хитрющий человек.

– Ты потише, – и показывает на Гошу.

– Да брось, Масалак. Мальчик, иди сюда, дам монетку.

Гоша не шелохнулся.

– Видишь... а ты... ну ладно, что-то затянулся торг. Ждём.

Появился Корней, подошёл.

– Ну что?

– Я их понимаю, и этих, и тех.

– Пошли к Гордону.

– Дяденька Гордон, здравствуйте. Мне бы послушать, о чём князь со степняком и с попом говорит. Я тут услышал: норманны недовольны главным попом, жалования нет, служба под вопросом. Они говорят, их главный со степняком должны о чём-то договориться за большие деньги??? Степняки о том же говорят, посол подкупит и князя, и норманнов.

Гордон не мог себе поверить, что этот малыш так сжато, чётко, в двух словах, как бывалый воин-разведчик, уловивший суть, доложил.

– Пошли, только тихо сиди, не лезь на глаза, сейчас князь и посол степняков речь держат.

Князь знал, что должен прийти мальчик, который знает язык степняков, и, когда появился в углу малыш, принял спокойно и на вопросительный взгляд посла:

– Дитё пусть играет, в детях наше счастье.

Посол встал, подошёл к Гоше, что-то сказал ему, Гоша смотрит на дяденьку ясными глазами, в руках у него денежка. Посол успокоился, но старик, что был переводчиком:

– Уважаемый князь, извини, что напоминаю, но, согласно нашей вере, Тенгри, верховное божество наше, запрещает

нам вести серьёзные деловые разговоры в присутствии детей, не достигших 16 зим, пусть отрок поиграет в другом месте.

Старый шаман что-то чувствовал.

Князь, не задумываясь:

– Христос по этому поводу гласил: любой отрок должен участвовать, служить и приумножать свои знания, учиться, чтобы в дальнейшем не совершать ошибок, быть достойным своим родителям. Вы у меня в гостях, мои боги здесь правят, так как поступим?

Посол старому шаману на половецком:

– Уважаемый... мы пока в гостях, пусть убогий с монеткой играет. Я ему золотой дам.

– Не нравится он мне... очень.

– Это временно, поверь мне.

Разговор вели на половецком без страха, что их поймут. Посол подошёл к Гоше, протянул золотую монету.

Гоша восхищённо смотрит, взял монету:

– Спасибо, спасибо, дяденька, мне никогда не давали такую красивую монету.

– Хочешь ещё? – проверил Гошу, спросил посол.

Реакции никакой.

– Князь, у нас печальные новости, по недоразумению пропал хан Аепа, его воины преданы смерти, что с ханом, нам неизвестно, помогите в поисках. Хан Тугоркан очень опечален, это его брат, большие могут наслаждения.

– Вопрос я понял и сейчас pošлю гонцов по всему кня-

жеству, если у нас, то я решу данный вопрос.

– И, князь... наш Великий и Могущественный Хан Тугоркан просит... пока... встать под его защиту, стать его вассалом, платить дань за безопасность.

И, улыбаясь, смотрит, только улыбка хищная.

Князь удивлённо смотрит:

– Осмелюсь заметить, у нас есть верховный князь всех земель славянских. Или вы забыли его походы в «гости» к вам? Как трусливо бежали от его войска. По хану Аепе узнаю, а вам срок – три дня находиться в моём княжестве, у меня встреча со слугами Христа.

– Князь, с твоими соседями мы договорились о нейтралитете. Умные головы всегда найдутся, если взаимная выгода.

Они вышли из зала, Гоша подошёл к князю, тот в глубокой задумчивости сидел.

– Дяденька, дяденька, степняки договорились с норманами о чём-то за большие деньги, а это я оставляю, – показывает на золотой. – Старик что-то чувствует, не верит мне.

– Ничего, ты посиди, послушай, что епископ говорить будет. Странно, что ты к языкам такой способный.

– Хорошо, дяденька, я послушаю.

– Уважаемый князь Святослав, я Агустин Фон Брохиндрот, прибыл по повелению Папы Римского, вседержателя католической веры.

И затих.

Князь:

– Я рад вас приветствовать в нашем княжестве и перехожу к делу. Я вас приглашаю на обед, там и потолкуем, а то у нас был разносторонний, длительный разговор с послом хана Тугоркана.

– Конечно, князь Святослав, я не откажусь от такого лестного предложения, тем более я с дороги.

За обедом епископ Агустин обмолвился:

– Так что такого эти лошадаики клянчили?

– Да ничего особенного, попросили посодействовать в поисках некоего хана Аепа. Говорят, пропал где-то у нас, а его воинов волки скушали.

– Ужас... ужас, какая печальная история.

– Слухи есть разные, промышлял на большой дороге, вот и...

– Хан Аепа – разбойник? Нет... он же брат Тугоркана, вот это оборот, тут войной пахнет. Тугоркан никому не простит гибель брата, вот это да... Провидение и воля Папы Римского привели меня к вам, князь, как вовремя. Папа даст защиту, войска и деньги от врага степного, только надо слово дать... примите веру католическую.

У князя чуть нож для мяса не выпал из рук.

– Ну ты, епископ, и даёшь, объелся, что ли, с дороги. Я уже один раз веру поменял, хорошего в этом ничего пока не вижу. Или ты думаешь, что мы тут, в своих лесах, веру, как вы подштанники, меняете? Нет и ещё раз нет, буду считать это неуместной шуткой, а со степняками сами справимся,

научим их жизнь любить. Ты рыбку нашу заливную попробуй, у вас в Риме такой нет.

— Я понял. Вы проездом, ну это же после обеда, не задерживаю вас. Совсем из головы выскочило: по пути к вам я под свою охрану принял двух служителей Христа, они там, на улице, если что, они ваши. Ещё раз благодарю за угощение, действительно, нам пора. Только осталось перекинуться парой слов с посланцем Тугоркана.

И своему спутнику на ромейском:

— Избавиться надо от этого, тогда мирская и духовная наладится. Надо, чтобы степняки ускорились. Интересы совпадают.

Всё это с очаровательной улыбкой лучшего друга. Они раскланялись и вышли.

Гоша подошёл к князю:

— Он хочет вас убить, сменить власть и веру, в помощниках будут степняки.

Князь позвал Гордона.

— Ну что, воевода, шайку пришлую положишь?

— Как скажешь, князь, норманнам здесь делать нечего.

— Так, чтобы без следов, болот у нас много, всё понял, приступай. И сюда свои ручки протянули, укоротим. Позови двух попов, вновь испечённых, ко мне.

Зашли два служителя воли Христа, помолились, перекрестились, ждут смиренно.

Князь осмотрел их, такие справные, ухоженные тела.

– Я жду, где ваше назначение, направление... жду.

Два молодца переглянулись:

– У нас нет направления, нам назначили урок, мы и при-
были.

– И я должен вам поверить, странно, кто именно вас по-
слал и откуда?

– Игумен Иссааками монастыря в Горжевске, это в Лиф-
ляндии.

– Веры вы какой?

– Католической веры мы.

Князь позвонил, появился служка:

– Этих устрой и глаз с них не спускать, посидят пока, пока
не выясню. Увидите. Если что... сами знаете, что делать.

Когда Клава уходила в конюшню, отец сидел, понуро опу-
стив голову, думал горькую думку. Зачем он с ней, как с па-
цаном, зачем. Строгость, конечно, нужна, но я переборщил,
а вот как это исправить? Всё-таки девочка, нет у нас больше
никого. Пойду в конюшню чуть позже и буду просить про-
щения, надо, надо её упросить, чтобы простила. Я же не со
зла. Её слова, когда она уходила, пронзили его сознание:

– Я усвоила твой... не ваш урок, будет время – напомним.

Он ещё долго сидел, жена молчала. А что говорить, всё
сказано, вот только что у Егора на уме, сидит, молчит.

Егор встал:

– Ладно, мать, схожу к старшему, попрошу заменить Кла-
ву в конюшне и пойду у дочурки просить прощения.

– Ну, слава богу, дошло, догадался, ты уж поласковее, полегче.

– Ну что ты, разве я не понимаю.

Егор пришёл к Лучезару, всё ему объяснил.

Лучезар:

– Хорошо, я распоряжусь, я же тебе говорил, не пацан она, девок по-другому воспитывают... да и не мужики, бабье это дело.

– Да понял я, простила бы, на душе очень муторно. Ты уж пошли на замену, а я к ней за прощением.

Лучезар смотрит на удаляющуюся фигуру Егора.

– Не знаю, друг, не знаю, у девки твоей возраст самый что ни на есть плохой, переходный, строптивый, неуступчивый.

Егор остановился перед конюшней, тишина какая-то, стражника не видно, сегодня Василис, справный молодой воин, после ранения. Может, в глубине конюшни... Егор пошёл в глубину конюшни, никого нет, обратил внимание: один загон пуст, здесь вроде лечили степную лошадь, странно, дошёл до конца – тишина, только характерные звуки от лошадей. У Егора забилося сердце, что-то произошло, стал более внимательно осматривать стойла. Вдали увидел вроде сапог, подбежал, Василис связанный, во рту кляп, лежит без сознания.

Он быстро развязал Василиса, вынул кляп, потом по щекам ладошкой, тот приоткрыл глаза, увидел Егора и через силу:

– Степняк ушёл, девка с ним.

И потерял сознание.

Егор вынес его на свежий воздух:

– Ты полежи, полежи, я сейчас.

И он бегом поднимать тревогу.

Он бил в колокол, звон поднимал людей:

– Тревога, тревога!

Сбежались люди.

Лучезар:

– Почём шум?

– Степняк с Клавкой сбежали, Василис ранен, помогите ему. Я за ними.

Побежал в конюшню, за ним ещё трое молодых воинов. Они быстро на лошадей и в погоню.

Лучезар им вдогонку:

– Короткой... к степи... там перехватите, только на кромке леса остановитесь, осмотритесь, могут быть отряды степняков из-за пропажи их хана. Осторожно, ребята. По тропе они вышли на стражника, но он один, второй, помоложе, пошёл догонять по следу. Они оба стреляли на поражение, одна стрела вроде попала в голову, вторая – в бок девке, что прижималась к степняку.

Егор крикнул про себя:

«Лишь бы не убили, живой, доченька, будь».

Они решили разделиться: одни идут по следу стражника, а другие по короткой дороге выходить к степи, если что, пе-

рехватят. Связь между собой – крик филина, если опасность – кукушка.

Стражник, что пошёл по следам беглецов, был молод, шёл не надрываясь, по следам отметил: конь сбавил ход и остановился. Стал, крадучись, идти вперёд и в просвете между деревьев заметил коня. На земле беглянка, рядом какой-то силуэт. Так, двое, и он пошёл смелее. Недалеко прошёл, стрела вонзилась в правое бедро, он стал падать, боль пришла внезапно, как вспышка света, он не кричал, а хрипло, протяжно застонал.

Рядом появился обнажённый по пояс, со связанными руками беглец, посмотрел, оценил ситуацию, откинул в сторону лук, меч, забрал стрелы, всё молча. Он подошёл к лошадке, прижал её голову к своей, посадил девицу сзади, и они дальше поскакали к свободе.

Лишней крови не должно быть, мало ли что, вдруг перехватят, тогда... не буду об этом думать. Аепа знал: надо вперёд, там всё решится, одна его сила воли руководила им. Он чувствовал: Буран упорно шёл вперёд из последних сил. Лес стал редеть, первый признак – скоро степь, он не торопил Бурана, как бы ни хотелось, Буран не должен умереть.

По степи прошли метров сто, и ноги Бурана подкосились. Аепа успел соскочить, снял Клаву и склонил колени перед Бураном. Большие глаза Бурана смотрели на хозяина, друга и медленно закрывались, он выполнил своё последнее задание, пришёл в родную степь, он судорожно дышал, сердце со

страшной силой гнало кровь, всё не успокаивалось.

– Друг мой, прости, прости, ты встанешь, только успокойся, ты сильный, – шептали губы Аепа.

Он гладил его, прижался к нему, успокаивал:

– Ты выполнил всё.

Весь мир был здесь: он и Буран, такова жизнь сущности степняка. Аепа никогда и никого в своей жизни не любил, не доверял никому, только один был преданный друг, который не раз спасал ему жизнь, и это Буран.

Аепа почувствовал, что кто-то его трясёт за плечо, он повернулся, это Клава трясла и показывала на пыль в степи. Это две группы всадников приближались. Аепа удерживал Клаву и сам, чуть не теряя сознание, дождался всадников. Жёстко приказал:

– Спасти ханум и Бурана, иначе...

И сам отключился.

Всё было исполнено, как велел хан Аепа, степняки были потрясены его видом: изуродованное лицо, истекающее кровью, вся спина в шрамах, видно, что избит, но его воля, да...

Стражники почти одновременно оказались у края леса, степь привольная впереди, между ними метров 600–700, и они увидели беглецов, как лошадь упала и все на земле, никуда не убегают, и они хотели кинуться к ним, но увидели, что с двух сторон конные отряды по 15–20 всадников скачут к беглецам. Не успеть, зря погибнешь, если кинешься к беглецам.

Тогда Егор вышел из леса, натянул лук, хотел сразить этого степняка, что увёл ложью дочурку. Егор не учёл в спешке силу ветра, стрела прошла мимо Аепы и вонзилась в грудь Бурана.

До этого за мгновение сердце Бурана остановилось, а удар боевой стрелы, как в бою, оживил боевого коня, Буран вздохнул и лизнул лицо Аепа.

– Кто стрелял... озолочу.

И потерял сознание.

С десятков степняков кинулись к одинокому всаднику у леса, но он быстро скрылся в лесу.

Стражники возвращались домой, по дороге прихватили раненого и доложили Громобоем, что беглецы скрылись, их забрали степняки, он раненый, в каком они состоянии – неизвестно.

Громобой посмотрел на Егора:

– Займёшь место дочурки.

Удвоили охрану дальнего порубежья.

– Опять что-то степняки обнаглели, готовятся к чему-то, ждут.

Князь, когда дал распоряжение, вернее, приказ на убой слуг и охрану епископа и его самого, не находил себе места. Вот и сейчас прошло всего-то четыре дня, как нет его дружины, нет известий от воеводы. Не рано ли в воеводы? Молчит Гордон.

А если всё провалилось? Так это ему смертный приго-

вор. Да нет... Гордон справится, шестьдесят наших, их около сорока, правда, матёрые, битые воины. Что ещё остаётся... только ждать.

Было у него под сотню норманнов, где они? Гордон со своими половину уничтожил за их зверства, остальных Громобой. И что странно, у Громобоя всего-то около двадцати стариков. Гордона нет, что припозднился. В мире что-то назревает, степняки совсем обнаглели, странные слова и намёки посла Тугоркана. Просит, предлагает, как приказывает: смирись и уйди под руку хана Тугоркана. Не бывать этому, он что, не помнит, как от Владимира эти степняки трусливо бежали, видать, забыли, силу набирают. Князей подкупают, запугивают.

Мало у меня людей, совсем мало, а если степняк налетит малой силой... отобьёмся ли, это большой вопрос. Жду, жду Гордона.

Стемнело, послышались тяжёлые шаги, в горницу вошёл раненый воевода Гордон.

– Приветствую тебя, княже, работу мы сделали. Только вот троих больше нет с нами и семеро ранены, кто как, четверо тяжело. Я гонца отправил Громобою, пусть знахарка Ефра и малая богиня с ней срочно к нам, время – это жизнь наших бойцов.

Князь насупился:

– Ты, воевода, мне всё по порядку и испей кваску, вижу, что ранен.

Гордон жадно припал к кувшину, утолил жажду, отёр усы.

— Мой человек шёл по следу этого епископа, он видел, как он с послем о чём-то договаривались, часа три о чём-то договаривались, обменялись чем-то и разошлись. Степняк резко прибавил хода и ускакал, как бы спешил или... Мои воины в удобном, проверенном нами месте ждали отряд норманнов. Как потом выяснилось, не простые воины, передовой разведывательный отряд, всю дорогу в боевом порядке, опытные воины, так ведут на территории врага. Половину мы из луков положили, а вот остальные приняли бой, особенно зверствовали трое, они как бешеные псы бросались в схватку, так и полегли наши трое.

Хотя нас было в два раза больше, тяжело досталась победа. Недалеко речка загиб делает и озерцо недоброе, вот там всё. У епископа нашли знак степняка, вот он.

И положил золотую бляху с изображением волка.

— Всю одежду, доспехи, оружие и лошадей прибрали, в дальнейшем смогут пригодиться. Местное население знает про это озеро недоброе, и название у него Тёмное, славится тем, что путники пропадают. Мы не успели предупредить епископа и его воинов, что нельзя делать у озера привал. По рассказам местных, из озера выходят прекрасные девы, которые и увели всех, мы не успели предупредить. Мы так торопились, как жаль. Мы даже дрались с этими исчадиями Нави.

И смиренно смотрит в глаза князя.

– Очень жаль наших молодцов, я распоряжусь, семьи получат вознаграждение за службу. Складно сказал, твои не проболтаются? И что ты сказал про какую-то богиню?

– А это... мы её малой богиней называем, и не только мы, она дочка кузнеца, у него ещё два сына. Так вот, они все попали под бурю и были сражены молнией. Все трое, они прятались под деревом, молния прошла через них, божественный случай, они были спасены знахаркой Ефросиньей, а может, так решил Перун. В это же время было уничтожено капище язычников, я докладывал вам. С тех пор Млада, Ладушка, видит болезнь и своей силой лечит, средний понимает языки, вы его видели, а старший близок к огню. Просковья говорит: боги ушли, но нам, людям, передали через детей знание и силу. Мои воины всё держат в тайне, лишнего не скажут. Да, вот ещё, один норманн допрошен с пристрастием, так он поведал, что они разведывательный специальный отряд, в соседнем княжестве ещё 250 таких же воинов, все недовольны жалованием, его нет. Но когда всё начнётся, они сторицей всё возьмут.

– Я понял тебя, воевода, значит, с двух сторон и не только нас, масштабные замыслы, людей надо поднимать. И Громобою скажи: хватит прятаться в горах, что и кого мы ждём, он знает. Пусть придёт, поговорю, и прибудет ваша богиня – мне доложишь.

– Громовою не придёт, опыт есть с Аслябием.

– Воевода... знай, что говоришь!

– Ладушку мы ждём с нетерпением.

Хан Аепа всегда после своих командировок, вернувшись в родной дом, всегда в первую очередь приходил к старому другу, преданному другу, который не один раз вынес с поля боя и единственному живущему на земле он верил. Но годы брали своё, Буран старел, но дружба оставалась. Он обнимал голову друга и шептал ласковые слова. Буран отвечал тем же, он просился в бой, поскакать по степи, но нет. Свидание обычно длилось около часа.

Аепа попросил пригласить Дарияшу-ханум к нему в гости.

После Бурана его ждала небольшого роста седая женщина.

– Повелитель, вы позвали, и я пришла, слушаю вас.

– Присаживайтесь, пожалуйста, уважаемая Дарияша-ханум, – показывает на столик. – Угощайтесь, не стесняйтесь, у нас долгий будет разговор.

Дарияша присела и очень внимательно смотрит на Аепу. Она его давно не видела, как он изменился, седина и потерял где-то глаз, говорят, был в плену, но сбежал благодаря девице, может, что знает про сына.

– Княжна, прошу, попробуйте, это очень вкусная выпечка, прошу. Ну хорошо, я что вас позвал... Я хочу, чтобы вы взяли под своё воспитание Класиахе, она ещё молода и не знает наших обычаев и язык. Она мне жизнь спасла дважды, помогла уйти из плена. Там, в её доме, над ней издевались и

били. Я обещал ей, что она не будет знать, что такое голод, и никогда её не ударят. Помогите ей и мне, как когда-то и меня воспитывали.

Смотрит так просяще и ласково, вопросительно.

– Я обещал, помоги.

– Повелитель, твоё слово – закон для меня, говоришь, из дома сбежала. Родина, она-то одна, она же совсем девочка.

– Дарияша, я её не держу, она свободна в своём выборе, и она это знает. Как мне известно, мой отец вас тоже не держал взаперти, вы были вольны принять любые решения, но вы остались здесь.

– Вы правы, повелитель, я осталась здесь, мой второй дом, первый был уничтожен в горниле войны, нет моего рода, нет никого, так куда же мне было возвращаться, опять в драку за власть, княжество, вы же людей знаете. А здесь у меня сыновья. Не расскажете, что случилось со средним моим сыном, только косточки его привезли, и вы пропали.

– Я расскажу вам и простите меня за сына, в нём тоже наша кровь.

– Мы возвращались после завершения удачного похода и увидели одинокого путника на телеге, и мои воины, серьёзные воины, как дети, попросили меня возможности позабавиться с этим путником. Я и разрешил, не думая ни о чём, мы кинулись в погоню, азарт – глупая вещь. Нас было пятеро опытных воинов. Всё произошло быстро, жёстко, мои воины погибли, а я оказался в плену. Я до сих пор не пойму,

как одинокий невооружённый селянин мог такое сделать. Не пойму. Но когда приду к нему в дом, я жёстко спрошу за всё, и гибель моих воинов, и твоего сына. Когда бежали из плена, Класиахе отвела стрелу и удержала меня от падения, будучи пронзённая стрелой. Вот тогда я и потерял глаз, у нас с ней одинаковые рубцы на голове. Вот такая печальная история. Она молода, но через несколько лет, сама увидишь, красавицей будет. Если согласна, то я прикажу, и твой дом будет всегда рядом с её.

– Как мне думается, она повторит мою участь.

– Да, примерно та, вы потеряли одно, но приобрели другое, ваша родина, ваши дети здесь, с нами. Я того же хочу... путь воина недлинный, тем более назревают события. Как бы ты ни играл со смертью в прятки, она тебя находит, но иногда не замечает до поры до времени.

– Повелитель, я согласна... Я свой опыт передам ей, научу выживать в вашем, т. е. в этом мире.

Так и появилась Дарияша-ханум в окружении Клавы.

Когда Клава пришла в себя, она не поверила, так не может быть, она одета в дорогую незнакомую одежду, слуги выполняют любую её прихоть, она не хотела, но они улавливали, что ей надо, о чём-то говорили и хихикали, она не понимала, и это напрягало. Клава внутри затаилась, она поняла, что всё, что обещал Аепа, исполнилось. Чтобы жить здесь, надо знать язык, и она жестом показывала на вещь, ей говорили, она сотни раз повторяла, она училась жить по-взрослому, и

это в 13 лет. Её глаза, как застывшие стеклянные красивые бусинки, смотрели и запоминали, она поняла, нельзя показывать слабость.

Когда встречалась с Аепой – только благодарность за сказку. Аепа представил свою спасительницу старшему брату, хану Тугоркану. Она не показала, что ей больно, она очень внимательно смотрела на главного хана. Хан Тугоркан благодарил её за спасение брата Аепы из плена и сохранение его жизни.

Она поняла одно: сейчас решалась её судьба, и она должна ухватить за хвост птицу удачи. И эту возможность она не упустит. Но она одна, и некому подсказать, помочь, научить.

Появилась старая ухоженная женщина, представилась:

– Дарияша-ханум, меня попросил хан Аепа быть тебе наставницей, помочь научиться жить, как половцы.

Затихла, ждёт.

На лице Клавы нет никаких эмоций, глаза пристально смотрят.

Тогда Дарияша-ханум, улыбаясь:

– Тебя Клавой зовут, и я тебе не враг, не повторяй моей судьбы. Так мы учиться будем или мучиться в незнании?

– Учиться, уважаемая Дарияша... Дарья?

– У стен есть уши... Дарияша-ханум! В степи спокойно поговорим. А сейчас учёба, надо знать язык, и не один, их уклад и обычаи, поведение в жизни. Найму тебе тренера по владению оружием. У тебя есть нож?

– Нет, зачем?

– Жизнь подсказывает: надо иметь и уметь им пользоваться. Ты, я смотрю, девочка понятливая. Открытый разговор на родном языке. Ты должна, как и они, ездить верхом на лошади. Сразу договоримся: если будешь отлынивать, избегать учёбы, то закончишь здесь жизнь ненужной наложницей, что это такое, тебе говорить?

– Нет, не надо. Я всё сделаю, чтобы выжить в этом мире и прийти в тот, от которого меня... т. е. я ушла добровольно, сама так решила.

– Вот и славненько.

По просьбе воеводы Гордона Ефросинья, Млада и Первак в сопровождении Гостомысла, папа рядом, папа защитит, они прибыли и сразу приступили к лечению. Четверо бойцов были совсем плохи, на границе жизни и смерти, много потеряли крови. И тогда Млада сказала:

– Ефра, надо сделать переливание крови, иначе мы их потеряем.

Всё произнесено не голосом Млады, другим, старческим, и Ефра, не понимая, что за переливание, сразу согласилась. Раньше Млада просила папу сделать две острые трубочки из серебра, она объяснила, какие надо. Получилось две иглы, иглищи, их соединили тонкой промытой кишкой. Среди воинов были добровольцы, они согласились ради друзей спасти, и они это проверили в деле, за этим наблюдал Гост. Он видел, для чего и что надо переделать.

Кровь всё-таки заставили течь, так они остановили процесс ухода за грань. Все четверо прошли этот процесс, добровольцы были в недоумении. Смерть отступила, но ненадолго, она затаилась и ждала своего часа.

Князю доложили, что прибыли целители и с ними Млада и её брат, как его, Первак, странное имя. Вдвоём своими ладонями обеззараживали, прижигали, восстанавливали, вернее, помогали организму восстанавливаться, они не сшивали раны, а прижигал их Первак. Князь видел слабые искры из ладошек Млады и языки огня из пальцев Первака. Его брала оторопь, это немыслимо, это колдовство, так не должно быть. Но когда увидел, что кровь из одного человека льют в другого и он потом оживает... поверишь в божественное. И осознаешь, какие боги сильнее и нужнее.

Громобой, получив призыв воеводы о срочной помощи, сразу позвал Ефросинью и Младу, объяснил, зачем им надо ехать, и спросил, что им ещё надо взять с собой. Также он получил от воеводы распоряжение, приказ? Вернее, просьбу, смысл: пора возвращаться в свои дома.

Если с первым сразу принял решение и отправил целителей, то со вторым крепко задумался. Нет у него веры князю, они как бы являлись непокорёнными, ненаказанными, бунтари, враги веры... а если опять очередная дурь в голове появится??? Было у него желание, не желание, а приказ свыше всех убить, стариков, баб и детишек в том числе. Нет веры, свой зверь без клыков хуже пришлого зверя. Появится у него

своя сила ратная, вспомнит и главных, как Аслябия.

– Повременим, надо разговор держать с воеводой. Достался нам правитель хуже степняка, своих людишек приносит в жертву, своих!!!

Он позвал Лучезара, Аслябия и Василису, сказал им о предложении князя, типа опалы нет, селитесь по своим домам.

– Не верю я, други мои, сначала убить, потом якобы помиловать, потому что зубы выбиты. Думаю, пока повременить, а на встречу с ним не собираюсь. Аслябий знает, что будет. Да и непонятно, что со степняками, я так думаю, готовятся, силы копят.

Василиса:

– А я уже и привыкла под каменными сводами с муженьком беседовать по ночам, жизнь хороша, когда живая и свободная.

– Беседы о жизни – это хорошо, так что предложишь?

– Может, по домам, от сырости что-то спина ломит, граница под надзором, поговоришь с воеводой, возможно, и от своих в безопасности.

– Не у всех в домах подземка, если что внезапно... не спасёшься.

– Да не скажи, свой постучит... откроешь, а там свора головорезов, тем более им нечего опасаться, мы все приговорённые, для них нас нет.

– Ну ты, Аслябий, и нарисовал картину, может, к медве-

дям убежим, с ними легче договориться, если что, Млада научит.

— Ладно, юмористы, поговорю с воеводой, и всё встанет на свои места, а пока повременим. Да, забыл, жду возвращения Корнея и твоего Горошка с новостями. Думаю, пришло время имена дать нашим маленьким воинам, Младе, Горошку и Перваку, согласны со мной? Василиса, вы думали?

— Да. Млада — Лада, она жизнь дарящая, как богиня. Горошек — Главдарь, одарённый знаниями и языками не по годам. Первак — Ярик, Ярыга, с огнём близок, как Ярило.

Корней с Горошком пришли к воеводе и сказали, что едут домой.

Воевода задумался:

— Погодь, я сейчас с князем поговорю, узнать кое-что и с вами поеду.

— Хорошо, дядя Гордон, мы здесь рядом будем.

Когда воевода ушёл, Корней, недолго думая:

— Ты, Горошек, особенно языком не болтай, в горы не поедем. Остановимся в доме моего дедушки Аслябия. Я знак своим дам, что прибыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.